

М.С. Морозова

ГОВОР АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹

Введение

Настоящий раздел представляет собой краткий очерк грамматики говора албанцев Украины. Носители говора проживают в четырех селах на юге и юго-востоке страны: в с. Жовтневом (с 2016 г. — Каракурт) Болградского района Одесской области, с. Георгиевке, Девнинском и Гаммовке Приазовского района Запорожской области².

Говор албанцев Украины долгое время является объектом изучения для отечественных и зарубежных исследователей³. С одной стороны, примечателен сам факт длительного существования за пределами Балкан немногочисленного албаноязычного сообщества, говор которого до настоящего времени развивался в условиях полного отсутствия связей с основным ареалом распространения албанского языка. Соответственно, необходимы фиксация и квалифицированное описание этого говора, который ныне демонстрирует относительную витальность (в плане сохранения структурных черт, а также коммуникативной потребности в нем говорящих), но в будущем может быть утрачен под влиянием ряда экстралингвистических факторов.

С другой стороны, материал говоров албанской диаспоры важен для историко-диалектологических исследований, призванных ре-

---

¹ Автор благодарит д-ра филол. наук, проф. А.Ю. Русакова и канд. ист. наук, доц. А.А. Новика за ценные советы и критические замечания, высказанные в процессе работы над текстом.

² Применительно к идиому четырех исследуемых сел в разделе употребляется обобщающий термин «говор албанцев Украины», к отдельным селам — «идиом / локальный вариант (с. Жовтневого, Приазовья, с. Георгиевки и т.д.)».

³ Подробнее см. раздел данной коллективной монографии: Д.С. Ермолин, М.С. Морозова «Этнографическое и лингвистическое изучение албанцев Украины».

шать такие задачи, как определение исторических основ албанского диалектного членения, установление относительной хронологии и лингвистическая интерпретация языковых изменений, а также реконструкция социально-исторических контекстов, в рамках которых происходили эти изменения [Десницкая 1984: 262]. Благодаря консервации архаичных черт на всех уровнях языковой системы островные говоры, развивающиеся в отрыве от основного албаноязычного ареала, представляют собой ценный источник сведений по албанской языковой истории. Инновационные особенности этих говоров, в свою очередь, являются показательным материалом для исследований в области языковых контактов, в частности для выяснения общих механизмов взаимодействия языков и диалектов.

По основным фонетико-фонологическим и морфологическим признакам говор албанцев Украины соответствует севернотоскскому диалектному типу⁴. Некоторые архаичные диалектные особенности, сохраняемые говором, были характерны для идиомов «материнского» региона по меньшей мере до конца XV — начала XVI в., но впоследствии были ими утрачены. Например, в области фонетики к таким чертам говора албанцев Украины относятся группы согласных *kl̥, gl̥, lk̥, lg̥* (*kl̥'uməftə* ‘молоко’, *gl̥'uxə* / *gl̥'uyə* ‘язык’, ‘*al̥kə* ‘сливки; сметана’, *b'al̥gə* ‘навоз’) и старое палатальное *ļ* в интервокальной позиции (*b'iļe* ‘дочь’) [Islami 1955: 165; Voronina et al. 1996: 32; Морозова 2013а: 13]. В литературном языке и большинстве албанских говоров

⁴ Севернотоскский диалектный ареал охватывает часть территории Южной Албании между реками Шкумбином и Вьосой. Выделяются следующие основные группы севернотоскских говоров: 1) западная, в состав которой входят говоры *краин* Мюзекя (южная часть), Малакастра и Скрапар, а также говор города Берата и его окрестностей; 2) восточная — говоры окрестностей г. Корчи и Поградца и *краин* Опар, Гора, Девол; 3) юго-восточная — говоры *краин* Дангелия, Шкерия, Колёня, Лесковик; 4) южная — говоры сел северной части *краины* Тепелена, *краин* Кельцюра и Дешница, а также сел *краины* Скрапар, лежащих на левом берегу реки Осума [Gjinarī 1965; Десницкая 1968: 264]. Прародиной предков албанцев Украины, предположительно, является территория на востоке ареала: *краина* Девол, соседняя с ней область Корчи с городами Воскопоей и Виткукем, *краина* Колёня [Широков 1962: 34; Десницкая 1968: 375; Шарапова 1990: 117; Жугра, Шарапова 1998: 118; Новик 2011]. Подробнее см. раздел данной коллективной монографии: М.С. Морозова, А.А. Новик «Краткая история образования албанских сел Украины: факты и мифы».

сочетания *kl, gl* перешли в среднеязычные *q* и *gj*; в северо-восточных гегских говорах они развились в заднеязычные смычные *k* и *g*, а в северо-западных отразились в виде рефлексов *kj, gj*: лит. *qumësht* ‘молоко’, *gjuhë* ‘язык’; с.-вост. гег. *kumshti, gūh*; с.-зап. гег. *kjumsht, gjuha* [Десницкая 1968: 108, 144–145]. Палатальное *l* в положении между гласными и в группах согласных *lk, lg* перешло в *j* практически на всей территории албаноязычного ареала: лит. *bijë* ‘дочь’, *ajkë* ‘сливки’, *bajgë* ‘навоз’. Архаичное состояние сохраняется только на юге тоскской диалектной области (в Чамерии) и в островных тоскских говорах на территориях Греции, Южной Италии, Болгарии и Украины [Gjinari 1960: 110; Domi, Shuteriqi 1965: 106; Десницкая 1968: 272–273; Naxhihasani 1971: 154; ADGjSh 2007: 189–191, 196].

На всех уровнях языковой системы в говоре албанцев Украины обнаруживаются инновационные черты, которые представляют собой результат его внутреннего развития либо связаны с иноязычным влиянием. Например, специфической фонетической инновацией говора является монофтонгизация общеалбанских дифтонгов *ua > u*, *ie (je) > i* или *e, ye > y*: *gru* ‘женщина; жена’, *m'il* ‘мука’, *švir / štir* ‘ягненок’, *k'el'i* (опр. ф.) ‘небо’, *pys* ‘спрашивать’ (ср. лит. *grua, miell, shtjerrë, qielli, pyes*). В основном албаноязычном ареале это изменение характерно только для гегских говоров и отчасти — для соседних с ними говоров переходной зоны (*краины* Думрея, Шпат, Полис, Сулёва и северная часть *краины* Мюзекея) [Gjinari 1958b: 78; Десницкая 1968: 41–42, 223–224; ADGjSh 2007: 168–177]. В тоскском по происхождению говоре албанцев Украины монофтонгизация дифтонгов, по-видимому, является его собственной инновацией, предпосылкой для возникновения которой могла послужить относительно ранняя общетоскская тенденция к утрате вариантности истинных дифтонгов и закреплению ударения на одном из элементов дифтонга независимо от позиции в слове [Морозова 2013в: 593–594].

На протяжении нескольких столетий говор албанцев Украины существует в условиях интенсивных контактов со славянскими (болгарский, русский и в меньшей степени украинский) и неславянскими языками (гагаузский, румынский / молдавский⁵) [Islami 1955: 165; Дес-

⁵ Нарративы информантов об использовании молдавского языка в Каракурте / Жовтневом и государственной политике в отношении румынского /

ницкая 1968: 375; Жугра, Шарапова 1998: 128]. Начальным этапом контактного развития говора следует считать его домиграционное существование на территории севернотоскского диалектного ареала, который прежде представлял собой зону интенсивного славяно-албанского (и арумынско-албанского) взаимодействия, сопровождавшегося переходом значительной части неалбанского населения этого района на албанский язык [Десницкая 1968: 255–257; 1976; Русаков 2013: 158]. В XV–XVI вв. предки современных албанцев Украины мигрировали на северо-восток Болгарии, где их албанский говор около трех столетий развивался под интерферирующим влиянием болгарского и, вероятно, гагаузского языков. В XIX — начале XX в., после переселения носителей говора в пределы Российской империи, их идиом продолжал контактировать с языками ближайших соседей — болгар и гагаузов, которые также были переселенцами из Болгарии. Наконец, в период, детально зафиксированный в архивных материалах и публикациях, развитие говора албанцев Украины по большей части протекало под русским влиянием, интенсивность которого увеличивалась начиная со второй четверти XX в. [Морозова 2013б: 125–128].

В предлагаемом грамматическом очерке особенности именной и глагольной морфологии и синтаксиса говора албанцев Украины представлены как архаичные или инновационные по сравнению с другими албанскими говорами. Инновации анализируются с точки зрения их происхождения, причин и времени возникновения, соответствия тенденциям албанского языкового развития. Сопоставление с литературным албанским языком, «материнским» севернотоскским диалектным ареалом и с идиомами, которые представляют собой филиации тоскских говоров на территориях Южной Италии и Греции, проводится с использованием диалектных описаний [Gjinari 1957; 1958a; 1958b; 1960; 1965; Floqi 1958; Xhaçka 1958; Totoni 1964; 1966; Haebler 1965; Десницкая 1968; Naхhihasani 1971; Milkani 1971; Muça 1987; Petriti 1987; Sasse 1991; Соболев, Юллы 2002], албанских грамматик [Newmark et al. 1982; Buchholz, Fiedler 1987; Demiraj 1988; Gramatika 2002] и Диалектологического атласа албанского языка (алб. *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*)

молдавского языков, менявшейся на протяжении XX в. вследствие складывавшейся конъюнктуры, см. в: [АОЕ: Албанцы Украины 1998; АМАЭ: Новик 2011]. — Прим. А.Н.

[ADGjSh 2007; 2008]. Специфические особенности говора албанцев Украины, обусловленные болгарским влиянием, наиболее четко выявляются в сравнении с не картографированными в Диалектологическом атласе материалами из Болгарии, где единственным албаноязычным поселением в настоящее время остается село Мандрица (Хасковская область, община Ивайловград)⁶. Основными источниками информации о говоре Мандрицы послужили статьи албанских исследователей, опубликованные по результатам экспедиционной поездки в село в 1959 г. [Domi, Shuteriqi 1965; Shuteriqi 1965a; 1965b], и монография болгарского лингвиста Б. Соколовой [Sokolova 1983].

Наличие значительного объема материалов и публикаций по говору албанцев Украины позволило рассмотреть его в развитии и проследить изменения, происходившие в языковой системе на протяжении XX в. В частности, использовались архивные материалы Н.С. Державина (полевой материал, собранный в 1920-е годы в Приазовье и включающий сведения по фонетике и грамматике говора, словарь и переводы текстов из «Азбуки» Л.Н. Толстого) [СПбФ АРАН: Державин 1948]; статьи и материалы С. Ислями (Приазовье, экспедиция 1949 г.), Н.В. Котовой (Буджак и Приазовье, 1950–1954 гг.) и Л.Я. Демко (с. Жовтневое, 1960-е годы) [Islami 1955; Котова 1956; Демко 1970а; 1970б; 1972; 1974; 1975]; публикации ленинградских / петербургских лингвистов по результатам экспедиционных поездок 1960-1970-х годов в с. Жовтневое и албанские села Приазовья [Сытов 1975; Шарапова 1990; Voronina et al. 1996; Воронина, Шарапова 1997; Жугра, Шарапова 1998]; работы, базирующиеся на материалах экспедиций 1998–2013 гг. [Бичурина 2006а; 2006б; Kaminskaja, Novik 2008; Ермолин 2011; Новик 2011; Каминская 2012; Морозова 2012; 2013а; 2013б; 2013в; Руднева 2012].

---

⁶ По предположению Д. Шутерики, село было основано после окончания Русско-турецкой войны 1768–1769 гг. албаноговорящими переселенцами из области Корчи и Виткукя [Shuteriqi 1965a: 109; Десницкая 1968: 373]. Б. Соколова считает, что, судя по ряду реликтовых языковых черт в албанском говоре Мандрицы, отражающих общетоскское состояние XV–XVI вв., предки албанцев, проживающих в селе, могли покинуть территорию современной Албании гораздо раньше, чем полагает Д. Шутерики [Sokolova 1983: 179–180]. См. также раздел данной коллективной монографии: А.А. Новик «Албанцы Буджака и Приазовья: факты и цифры».

Материал для исследования был собран автором раздела в ходе экспедиций в албаноязычные села Буджака (2011–2013 гг.) и Приазовья (2005–2010, 2012 гг.). Опрос информантов (рис. 1–9) проводился как на русском языке, так и на исследуемом албанском говоре. Полевые материалы включают спонтанные диалогические и монологические тексты на говоре, а также переводы сентенциальных примеров и небольших связанных текстов с русского языка на албанский говор. Стимульные предложения и тексты, предъявлявшиеся информантам, были составлены с опорой на синтаксическую программу «Малого диалектологического атласа балканских языков» [Синтаксическая программа 1997].

Языковой материал, почерпнутый из источников (диалектных описаний, диалектологических атласов, словарей, архивов исследователей), приводится в транскрипции либо орфографии, принятой в этих источниках. Примеры из полевых материалов автора записаны в транскрипции с использованием символов МФА / IPA (Международный фонетический алфавит / *International Phonetic Alphabet*). Через косую черту указаны варианты, отражающие особенности произношения информантов в Буджаке и Приазовье: палатализацию согласных перед гласным переднего ряда *i* в локальных вариантах Жовтневого и Девнинского (*tri* ‘три’) и ее отсутствие в Георгиевке и Гаммовке (*tri*), сохранение интердентального *ð* в Жовтневом (*ðe* ‘земля’) и переход *ð > l* в Приазовье (*ðe > le*)⁷,

⁷ До середины XX в. в Приазовье сохранялся интердентальный звонкий *ð* в начале и середине слова: *del'pra* (опр. ф.) ‘лисица’, *un dridem* ‘я дрожу’ (лит. *dhelpra, unë dridhem*) [СПбФ РАН: Державин 1948: 18]; *dhitë* ‘десять’, *a madhe* ‘большая’ (лит. *dhjetë, e madhe*) [Islami 1955: 165, 167]; *de* ‘земля’, *ð'atë* ‘сало’, *i lidur* ‘привязанный’ (лит. *dhe, dhjamë, i lidhur*) [Котова 1956: 267]. Примеры перехода *ð > l* обнаруживаются лишь в материалах 60–70-х годов прошлого века: *lle* ‘земля’, *lljetë* ‘десять’ [Voronina et al. 1996: 34]. В речи современных жителей приазовских сел наиболее устойчивой к изменению является позиция в начале слова: *ð* в анлауте сохраняется у некоторых информантов из с. Девнинского (*ðëndër* ‘жених’, лит. *dhëndër*); палатальный *ð* произносится во всех трех селах в лексеме *ð'am(ə)* ‘жир, сало’. Ср. также случаи реализации звука *ð*, зафиксированные в исследовании звукового строя идиома с. Георгиевки, которое проводилось с использованием специально разработанной фонетической программы: [dárðz] ‘груша’, [dérðe] ‘ты разлил’, [ðjámə] ‘жир’ [Каминская 2012: 166].

утрата x / h^8 в начальной позиции в Жовтневом ($ad\bar{z}'i < *had\bar{z}'i$ 'паломник') и переход $x > y$ в начальной и интервокальной позициях в речи большинства информантов в Приазовье ($ya\bar{d}\bar{z}'i, k'ox\bar{a} / k'o\bar{y}\bar{a}$ 'погода'). Задача детального описания фонетико-фонологической системы говора албанцев Украины в данном очерке не ставится⁹.

Примеры на говоре албанцев Украины снабжаются переводом на русский язык. После лексем в скобках приводятся их эквиваленты в литературном албанском языке и его диалектах, для лексических заимствований указывается точно установленный или предполагаемый язык-источник. Для комментария использованы данные этимологических, толковых, переводных и диалектных словарей албанского, болгарского, гагаузского, турецкого, румынского, русского и украинского языков [Геров 1904; Бернштейн 1953; БЕР 1971; 1986; 2010; СУМ 1971; 1980; СРНГ 1972; Гайдаржи и др. 1973; Çabej 1987; 2014; Ylli 1997; Orel 1998; БТС 2000; Newmark 2000; FShS 2002; Dicționar 2004; Юсипова 2005; Dizdari 2005; Mançe 2007; Холиолчев и др. 2012]. Сентенциальные примеры занимают отдельный абзац и сопровождаются строкой поморфемного разбора (глоссами)¹⁰, которая располагается между примером и его переводом. При глоссировании слов и словосочетаний глоссы даются в угловых скобках между примером и переводом.

⁸ По наблюдениям Л.Н. Каминской, в идиоме с. Георгиевки эта фонема регулярно реализуется как глухой велярный спирант [x]: [un̩a x̩ap] 'я (это) открыл', [tɛx] 'бьет', [gl̩ux̩z] 'язык'; в интервокальной позиции может звучать и ларингальный [h], как в литературном албанском языке: [m̩əs̩oh̩uni] 'учитесь'; отмечена также реализация звонкого велярного спиранта [ɣ] на месте [x] / [h]: [ɣ̩ur̩z] 'печь', [aɣ̩ur̩em] 'тогда' [Каминская 2012: 168]. Далее в тексте раздела варианты с аллофоном [h] не приводятся.

⁹ Подробнее об архаизмах и инновациях фонетико-фонологической системы говора албанцев Украины см. [Морозова 2013б]. В целом идиом с. Жовтневого более консервативен в этом отношении. Однако отмечено, что речь компетентных носителей из с. Девнинского может сохранять архаичные черты, свойственные варианту Жовтневого, в то время как в речи представителей молодого поколения в Жовтневом, напротив, могут наблюдаться инновации, схожие с приазовскими.

¹⁰ Глоссы оформляются в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования (англ. *Leipzig Glossing Rules*): <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (дата обращения: 25.10.2016). Список сокращений, используемых при глоссировании, см. в конце книги.

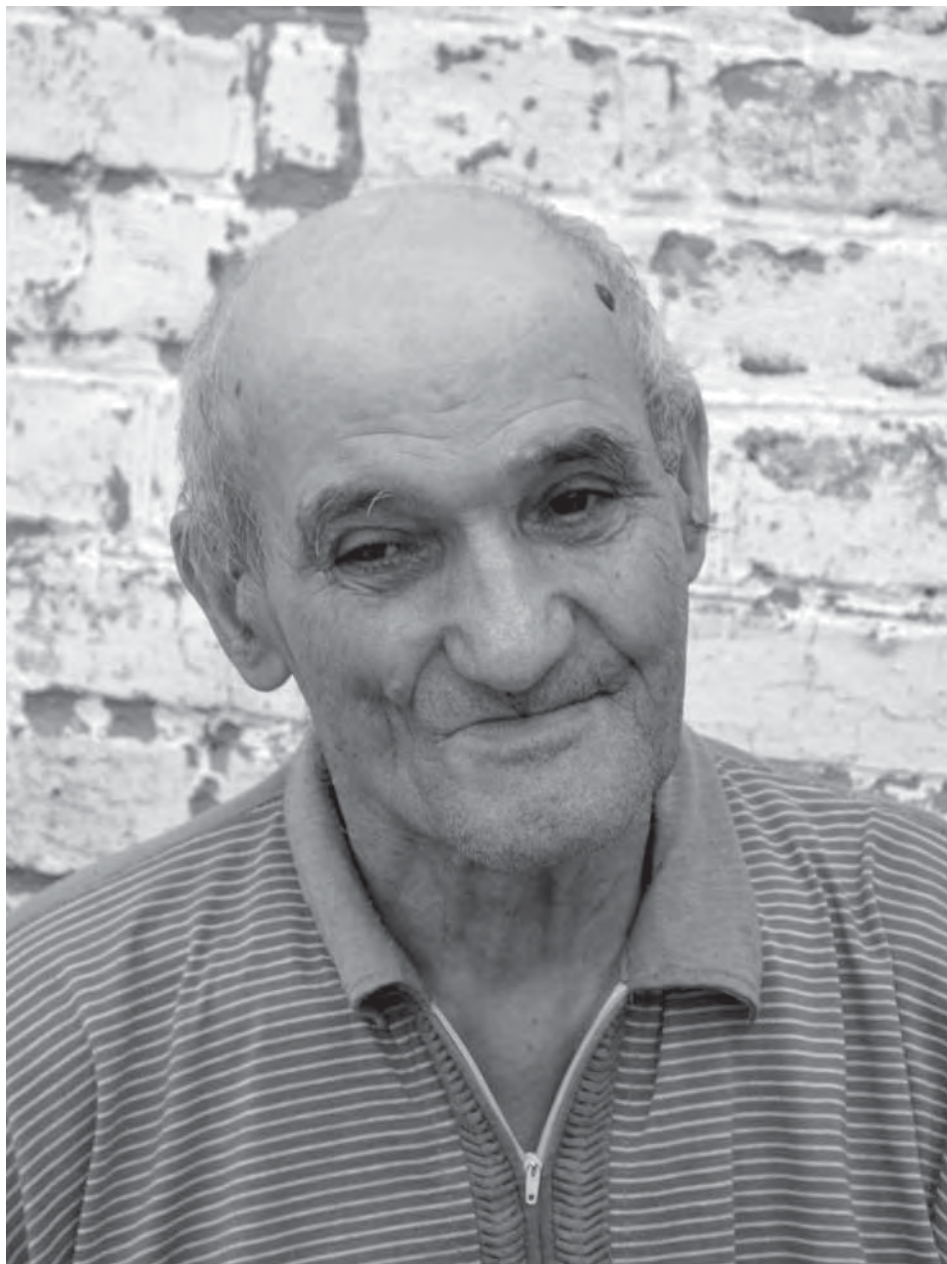

Рис. 1. Информант экспедиции Иван Филиппович Пиперко,
1939 г.р., албанец, С. Георгиевка. 2012 г.
Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 2. Информантка экспедиции Екатерина Николаевна Мельничук,
1934 г.р. , албанка. С. Георгиевка. 2010 г.
Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 3. Информантка экспедиции Софья Ивановна Бурлачко,
1937 г.р., албанка. С. Георгиевка. 2012 г.
Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 4. Информантки экспедиции: Софья Ивановна Бурлачко, 1937 г.р., и ее дочь Любовь Федоровна Даниленко, 1966 г.р., албанки. С. Георгиевка. 2010 г. Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 5. Информантка экспедиции Степанида Максимовна Шопова, 1938 г.р., албанка. С. Девнинское. 2012 г.
Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 6. Информант экспедиции Демьян Ильич Гроздев, 1937 г.р., албанец, с внуком Демьяном. С. Девнинское. 2012 г.
Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 7. Информантка экспедиции Татьяна Васильевна Джаным, 1930 г.р., албанка. С. Девнинское. 2010 г. Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 8. Информантка экспедиции Валентина Демьяновна Хаджирадова, 1936 г.р., албанка. С. Гаммовка. 2012 г. Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Рис. 9. Информантка экспедиции Анна Демьяновна Черак, 1931 г.р., албанка. С. Гаммовка. 2012 г. Фото М.С. Морозовой. Архив автора

Краткая характеристика языковой ситуации

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., на территории Украины проживало 3308 албанцев: 892 человека — в Запорожской области, 1862 — в Одесской, 554 — в других регионах. В качестве родного языка 608 албанцев из Запорожской области указали русский язык, 198 — язык своего этноса (албанский), 63 — украинский, 21 — другой. В Одесской области 1484 албанца считают своим родным языком албанский, 300 — русский, 55 — другой, 23 — украинский [Всеукраїнський 2001].

По нашим экспедиционным наблюдениям, сделанным в албанских селах Буджака и Приазовья, употребление албанского говора ограничено бытовым общением внутри сельского сообщества, причем и в этой коммуникативной сфере говорящие нередко используют русский язык (подробнее о сферах употребления разных языков и роли титульного албанского языка в с. Георгиевке см. [Бичурина 2006а, 2006б]; в других селах специальное социолингвистическое исследование не проводилось). Говор функционирует преимущественно в устной форме; при необходимости что-либо написать на нем носители используют русскую кириллицу¹¹.

В албанских семьях села Жовтневого представители старшего и среднего поколений зачастую обладают высокой компетенцией в албанском говоре и без малейших затруднений беседуют на нем с членами семьи и соседями. Молодые родители не только сами говорят по-албански, но и стараются общаться на говоре с детьми, чтобы те с малых лет начинали усваивать его. Тем самым обеспечивается лучшая сохранность албанского говора в Жовтневом по сравнению с селами Приазовья.

В албанских селах Приазовья говором в той или иной степени владеют старшее и среднее поколения, а компетенция молодых носи-

---

¹¹ В 1990-е годы в Жовтневом издавалась культурно-просветительская газета «Релиндя» (транслитерация литературного албанского *Rilindja* 'Возрождение'; в живой речи лексема не зафиксирована), где тексты на говоре записывались кириллицей (в основном) либо стандартной албанской графикой. Кириллицей записывает свои стихи на говоре поэт П.К. Мержев из с. Георгиевки.

телей, как правило, является неполной¹². По наблюдениям Н.М. Бичуриной в с. Георгиевке в 2005 г., «младшее поколение считает родным языком русский, он же является единственным языком межличностной коммуникации» [Бичурина 2006а: 264–265]. Молодые люди и дети, по их собственному утверждению, способны понимать албанскую речь старших родственников, но сами обычно могут произнести лишь несколько отдельных слов и фраз. При этом, «настаивая на значимости отличия албанцев от неалбанцев, они отводят роль символического маркера албанской этнической принадлежности именно албанскому языку» [Бичурина 2006а: 88]. Поскольку, в отличие от полилингвального населения с. Жовтневого, ближайшие соседи приазовских албанцев, как правило, не владеют албанским говором, в Приазовье зафиксировано его использование как «тайного» языка, доступного лишь ограниченному кругу *своих*: представители среднего и молодого поколений предпочитают говорить по-албански (употреблять отдельные слова и фразы) не только со старшими родственниками и односельчанами, но и в тех случаях, когда не хотят, чтобы их поняли окружающие неалбанцы [Бичурина 2006а: 265; Kaminskaja, Novik 2008: 358]¹³.

Неспособность молодежи бегло изъясняться на албанском говоре, по крайней мере в с. Георгиевке, объясняется довольно распространенным стереотипом: «Старшие (пожилые люди, “старички”) должны говорить на местном языке, они ближе “к корням”, в то время как молодые — “к моде”» [Бичурина 2006а: 268]. Необходимость возврата к коммуникации на говоре иногда возникает спустя годы. Некоторые информанты в албанских селах Приазовья,

---

¹² В сходной ситуации, согласно К.В. Викторовой, оказался малоянисольский диалект румейского языка. Пожилые носители диалекта хорошо им владеют, поскольку их детство прошло «практически в одноязычной румейской среде», а молодые люди и дети в современных румейских селах совсем или почти не говорят по-румейски [Викторова 2006: 18].

¹³ Интересно наблюдение Н.М. Бичуриной об использовании албанского как тайного языка и во внутрисемейном общении: «В семье представители старшего поколения говорят по-албански с детьми и супругами. Полагая, что внуки албанский не понимают, иногда они используют его в качестве тайного языка (тогда как, по утверждению самих внуков, они понимают, как минимум, общий смысл высказываний)» [Бичурина 2006б: 45].

по их собственному утверждению, стали чаще и охотнее говорить по-албански с поколением своих родителей, когда сами достигли среднего возраста (здесь можно привести в пример историю информантки из Георгиевки Л.Ф. Даниленко, урожденной Бурлачко, 1966 г.р. (справа на рис. 4), о которой см. в: [АМАЭ: Новик 2006: 42])¹⁴. Однако для большинства представителей среднего поколения, напротив, характерны представления о низком престиже албанского говора, нежелание использовать его в повседневном общении и отказ от обучения ему своих детей. По свидетельствам, полученным Н.М. Бичуриной, «они специально не говорили по-албански в присутствии детей, считая, что албанский будет препятствием в их жизни» (в частности, в получении образования) [Бичурина 2006а: 264]. Разрыв языковой традиции и формирование «переломного поколения» [Вахтин, Головкин 2004: 122], которое неспособно (или не желает) общаться на говоре ни со своими родителями, ни со своими детьми, являются «симптомом кардинальной трансформации языковой ситуации» и при самом негативном сценарии могут считаться одним из признаков скорого исчезновения албанского говора в селах Приазовья. Однако при условии сохранения доступа¹⁵ к говору и при наличии у его носителей соответствующей мотивации сохраняется вероятность того, что нынешнее молодое поколение со временем будет больше использовать албан-

¹⁴ Возврат к коммуникации на родном языке типичен для ситуаций так называемого языкового сдвига. «Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и в изменении оценки (“изменении ожидания”) со стороны окружающих» [Вахтин, Головкин 2004: 130]. Ср. с ситуацией в греческих селах Приазовья, описанной в: [Перехвальская 2002].

¹⁵ «Под доступом понимается возможность участвовать в коммуникации на данном языке. По мере вытеснения исчезающего языка из коммуникативных сфер доступ к нему для новых поколений носителей сокращается, а доступ их к доминирующему языку, наоборот, растет» [Викторова 2006: 12]. В ситуации, сложившейся в албанских селах Приазовья, ключевая роль в обеспечении доступа к албанскому говору принадлежит старшему поколению, представители которого, как правило, сохраняют положительное отношение к своему языку, считают его родным и используют в повседневном общении.

ский говор в общении, обеспечивая непрерывность его передачи следующим поколениям¹⁶.

Очерк грамматики говора албанцев Украины

1. Имя и именные категории

1.1. Существительному в говоре албанцев Украины, как и в общеалбанском¹⁷, присущи грамматические категории рода, числа, падежа и определенности. Числовые и падежные значения выражаются морфологическими показателями, которые представляют собой суффиксированные падежные формы артикля, идентичные общеалбанским. Оппозиция по числу, кроме этого, выражена формальным противопоставлением сингулярных и плюральных основ, которое также имеет по большей части общеалбанский характер.

Категория **рода** существительных различает грамемы мужского, женского и среднего рода¹⁸. Род одушевленных существительных семантически мотивирован и определяется гендерной характеристикой денотата: (м. р.) *vla* ‘брат’, *bur*¹⁹ ‘мужчина; муж’, *t'ate* ‘отец’, *ka* ‘бык’;

¹⁶ Ср. с ситуацией в греческих селах Приазовья (пос. Малоянисоль Донецкой области): «Доступ к русскому языку сейчас гораздо шире, чем доступ к румейскому, хотя большинство жителей поселка имеют сейчас и доступ к румейскому языку, и многие из них, для которых русский — первый язык, имеют и мотивацию воспользоваться доступом к румейскому. Мотивацию обеспечивают, во-первых, высокая оценка румейского языка по шкале солидарности, во-вторых, представление о румейском как о “языке взрослых”, на котором подросткам хочется говорить, чтобы почувствовать себя взрослыми» [Викторова 2006: 19–20].

¹⁷ Термин «общеалбанский» (лит. *i/e mbarë shqipes*), отсылающий к албанскому языку в целом, употребляется в разделе в случаях, когда описание не требует конкретного указания ни на албанский диалект / говор, с которым проводится сопоставление, ни на литературный албанский язык.

¹⁸ Ранее исследователи отмечали, что одушевленные существительные в говоре могут быть амбигенными, т.е. демонстрировать в единственном числе согласовательные свойства слов мужского рода, а во множественном — женского рода (в общеалбанском, а также в румынском языке к этому согласовательному классу относятся только неодушевленные существительные). Например, *i mirë kafadar* <ART.M.NOM.SG хороший.SG.INDF друг.SG> ‘хороший друг’ — *të mir-a kafadar-e* <ART.PL хороший-Е.PL.INDF друг-PL> ‘хорошие друзья’ [Voronina et al. 1996: 45].

¹⁹ Лит. *burrë* [bur:] ‘мужчина, муж’. Фонологическое противопоставление вибрантов *r*: — *ɾ* нейтрализовано в пользу последнего в говорах тоскской диа-

(ж. р.) *m'otər* 'сестра', *gru* 'женщина; жена', *m'amo* 'мать', *l'orə* 'корова'²⁰. Род существительных *fukar'a* 'бедняк, беднячка', *ram'ent* 'дурак, дура', *laprodʒ'a* 'растеряха' при атрибутивном согласовании находится в соответствии с семантикой пола денотата:

- (1) *i maθ fukar'a* <ART.M.NOM.SG большой.М.SG.INDF бедняк.SG> 'большой бедняк'
a m'al-e fukar'a <ART.F.NOM.SG большой-F.SG.INDF бедняк.SG> 'большая беднячка'

Род существительных в ед. ч. однозначно определяется при атрибутивном согласовании с прилагательными (за исключением неизменяемых безартиклевых прилагательных, например *taz'e b'ukə* 'свежий хлеб'), адъективированными причастиями, порядковыми числительными и некоторыми разрядами местоимений, а также по форме местоимения, заменяющего существительное:

- (2) *i m'irə vray'am* <ART.M.NOM.SG хороший.SG.INDF платье.SG> 'хорошее платье'
a m'irə b'ukə <ART.F.NOM.SG хороший.SG.INDF хлеб.SG> 'хороший хлеб';

лектной зоны (Корча, Девол, Гирокастра, Брегдети-и-Поштем), вероятно, под иноязычным влиянием [Totoni 1964: 140; 1966: 80; Десницкая 1968: 326; ADGjSh 2007: 90]. В говоре албанцев Украины данное противопоставление также отсутствует [СПбФ АРАН: Державин 1948: 24; Котова 1956: 264; Voronina et al. 1996: 33]. На месте албанских *r*: — *r*, как правило, произносится звук, идентичный русскому и болгарскому *r* [Морозова 2013б: 53]. Однако ряд исследователей отмечает у части информантов «раскатистое» произношение звука *r* в некоторых словах: [bur:] в речи информантки А.К. Бурлачко [АМАЭ: Новик 1998; 2013; АОЕ: Албанцы Украины 1998]; [r:i] / [r:i] 'сидит', но [ziri] 'голос' (лит. *rrī*, *zëri*) [Каминская 2012: 164].

²⁰ Возможно образование существительных женского рода от соответствующих существительных мужского рода: *p'lak* 'старик' — *p'l'akə* 'старуха'; *mbret* 'царь' — *mbretar'ifsə* 'царица'; *kafs'ik* 'козел' (также гипероним 'коза') — *kafs'iŷkə* 'коза', *kafad'ar* 'друг' — *kafad'arkə* 'подруга', *jovd'it* 'цыган' — *jovd'itkə* 'цыганка'; *ŷforbadʒ'i* 'глава семьи; богач; хозяин' — *ŷforbadʒ'ijkə* 'жена главы семьи; богачка; хозяйка', *komʃ'i* 'сосед' — *komʃ'ijkə* 'соседка'. Наиболее продуктивны суффиксы славянского происхождения *-kə*, *-jkə*.

- (3) *j'im'i-vray'am* <МОЙ-М.НОМ.СГ.ДЕФ ПЛАТЬЕ.СГ> 'мое платье'
j'im-a b'ukə <МОЙ-Ф.НОМ.СГ.ДЕФ ХЛЕБ.СГ> 'мой хлеб';
- (4) *kju vray'am* <ЭТОТ.М.НОМ.СГ ПЛАТЬЕ.СГ> 'это платье'
kjo b'ukə <ЭТОТ.Ф.НОМ.СГ ХЛЕБ.СГ> 'этот хлеб'
kət'a kl'uməftə <ЭТОТ.Н.НОМ.СГ МОЛОКО.СГ> 'это молоко'

С синтаксическим критерием определения рода частично коррелируют такие признаки, как тип склонения и конечный звук основы. Это касается не только собственно албанских²¹ существительных, но и заимствований, распределяемых в говоре по родам и типам склонения в зависимости от конечного звука основы и родовой принадлежности в языке-доноре (при заимствовании из гагаузского языка, в котором отсутствует грамматическая категория рода, значение имеет только конечный звук основы).

Большинство существительных мужского рода имеют основу на согласный и в номинативе определенной формы присоединяют постпозитивный артикль *-u* после заднеязычных *k, g, x / γ* и *-i* — после остальных согласных: *g'ak, -u / d'ak, -u* 'кровь' (лит. *gjak, -u*), *dar'ak, -u* 'гребень для чесания шерсти' (болг. *дарак*; гагауз. *дарак* в том же значении); *det, -i* 'море' (лит. *det, -i*), *baj'ir, -i* 'холм, гора' (болг. *байр* 'холм, возвышенность'; гагауз. *байыр* 'гора'; тур. *bayır* 'холм, бугор'). К типу на согласный в говоре относятся немногочисленные албанские лексемы м. р. на *-ë*, утратившие конечный гласный основы: *d'al', -i* 'мальчик; сын; ребенок'²² (лит. *djalë*), *kal', -i* 'конь, лошадь' (лит. *kalë*). Тенденция к непроизнесению конечного *-ë* существительных м. р. (*djalë* 'мальчик; сын; ребенок') и ж. р. (*vajzë* 'девочка, девушка; дочь') имеет

²¹ Использование термина «собственно албанский» в очерке условно. Под собственно албанской понимается лексика, унаследованная исследуемым говором от домиграционного состояния: исконные лексемы, общеалбанские заимствования из латыни, древнегреческого, турецкого и славянских языков.

²² По мнению Э. Чабея, лексема *djalë* происходит от и.-е. корня **dhē-(i)-* 'давать грудь, кормить грудью' и имеет первоначальное значение 'рожденный, дитя (независимо от пола)' — ср. алб. диал. (Косово, Чамерия) *si i ke djel(m)të?* 'как твои дети (обоего пола)?' В дальнейшем развитие семантики этой лексемы в албанском языке происходило в направлении: 'рожденный мужского пола' > 'сын' [Çabej 1987: 257; Грошева, Домосилецкая 2012: 27]. Ср. лит. *djalë* 'мальчик; сын', *vajzë* 'девочка; дочь' [FShS 2002: 246, 1418].

общеалбанский характер и не реализована только в консервативных говорах на востоке Тоскереи (Девол, Гора, Колёня) и в Чамерии, а также в тоскских говорах диаспоры [Gjinari 1958a: 89; 1960: 106; Хаҗака 1958: 198; Totoni 1964: 145; Petriti 1987: 213; ADGjSh 2007: 166–167]. В говоре албанцев Украины сохранение конечного гласного основы существительных ж. р., по-видимому, является тоскским архаизмом, а его отсутствие у имен м. р. представляет собой результат аналогического выравнивания (все существительные м. р. оканчиваются либо на согласный, либо на ударный гласный).

Помимо вышеописанных существительных на согласный, в говоре относятся к мужскому роду и образуют определенную форму номинатива на *-i* исконно албанские существительные м. р. с основой на согласный *-r* (гег. *-n*), который отпадает в номинативе-аккузативе неопределенной формы: *zə / zɪ, -ri* ‘голос’ (лит. *zė, -ri*), *gʃu, -ri* ‘колено’ (лит. *gju, -ri*), *dru, -ri* ‘дерево’ (лит. *dru, -ri*), *ʃy, -ri* ‘глаз’ (лит. *sy, -ri*) и др., а также заимствованные существительные м. р. с основой на ударный *-a*: *bug'a, -i* ‘бык’ (болг. диал. (ю.-зап.) *бугá*, (вост.) *буá*; гагауз. *бу(з)á*; тур. *boğa*), *biʃ'a, -i* ‘младший брат мужа или жены’ (гагауз. *бáша, бíша* ‘младший брат мужа’). Суффиксированный артикль *-u* в номинативе определенной формы присоединяют исконно албанские существительные м. р. с основой на ударный *-a* и *-i / -i*: *ka, -u* ‘бык’ (лит. *ka, -u*), *par'i, -u / par'i, -u* ‘человек, мужчина’ (лит. *njeri, -u*), *mi, -u* ‘мышь’ (лит. *mi, -u*), а также заимствования тюркского происхождения с суффиксами *-dʒ'i* и *-tʃ'i*: *komʃ'i, -u* ‘сосед’ (алб. лит. и диал. *komshi / kojshi, -u* и *komshi / kojshi, -ja* [ADGjSh 2008: 258–259]; болг. устар. *комшия*; гагауз. *ком(у)шú*; тур. *komşu*), *tʃorbadʒ'i, -u* ‘глава семьи; богач; хозяин’ (болг. *чорбаджия* ‘богач; господин, хозяин’; гагауз. *чорбажы* ‘хозяин, владелец’; тур. разг. *çorbacı* ‘господин, хозяин’), алб. буджак. *b'ektʃ'i* ‘сторож виноградника’ (гагауз. *бекчи* и тур. *бекçi* ‘сторож’).

Исконно албанские существительные и старые заимствования женского рода с исходом основы на ударный гласный, безударный *-ə* или плавный согласный присоединяют *-(j)a* в номинативе определенной формы: *tʃup|ə, -a* ‘девочка’ (алб. диал. (с.-тоск.) *çup|ë, -a* [ADGjSh 2008: 212–213]; болг. *чúна* ‘девочка, девушка’ (с пометой *Арн.* ‘албанский’) [Геров 1904: 562]; макед. диал. *чúна* ‘дочь’ [Холиолчев и др. 2012: 700]), *gru, -ja* ‘женщина; жена’ (лит. *grua, -ja*), *fiʃ'e, -ja* ‘бутылка’

(лит. *shish|e*, *-ja*, от тур. *şişe*), *ur'i*, *-ja* 'голод' (лит. *uri*, *-a*), *z'emb|ər*, *-ra* 'сердце' (лит. *zem|ër*, *-ra*). У поздних заимствований из русского и гагаузского языков, характерных только для исследуемого говора и отнесенных в нем к женскому роду, основа оканчивается на безударный редуцированный *-ə* или на ударный гласный: *marʃr'utk|ə*, *-a* 'маршрутка', *gərg'a*, *-ja* 'ворона' (болг. *gārga*; гагауз. *gá(a)pga*; тур. *karga*), *g'özlem'ä*, *-ja* / *d'uzlem'e*, *-ja* 'жареные пирожки с творогом или брынзой' (болг. диал. *гюзлюма́* / *гюзлемé* / *гюзлемá* 'мучное изделие', от тур. *gözleme* [БЕР 1971: 306]; гагауз. *гөзлемá*). К этому словоизменительно-му типу относятся также существительные общего рода: *fukar'a*, *-ja* 'бедняк, беднячка' (болг. устар. *фукара́*, от тур. *fukara*; гагауз. *фукара́*).

Особый тип склонения образуют имена собственные (*mar'iko* / *mar'iko* 'Марико (Мария)', *st'ano* 'Стано (Степанида)', *d'ol'o* 'Долё (Евдокия)', *sof'ijo* 'Софиё (София, Софья)', *k'irtʃo* 'Кирчо (Кирилл)', *d'imtʃo* / *d'imtʃo* 'Димчо (Дмитрий, Димитр)', *f'ed'o* 'Федё (Федор)', *v'an'o* 'Ванё (Иван)' и др.) и заимствованные термины родства с основой на *-o*:

d'edo 'дед; старый человек; знахарь'. Ср. болг. *дядо* 'дед; (диал.) свекор; тесть; муж (в возрасте)' (реф. и вок.); болг. диал. *дѣда*, вок. *дѣде*, *дѣдо* в тех же значениях; рус. *дед* 'отец отца или матери; (разг.) старый человек'; гагауз. *дяду* 'дед';

b'abo алб. приаз. 'бабка по матери', употребляется также при обращении к теще; алб. буджак. и приаз. 'знахарка; повитуха; старая женщина'. Ср. болг. *баба* 'бабка; повитуха; старая женщина; (диал.) свекровь; теща; жена (в возрасте)', вок. *бабо*, *бабе*, *баби*; рус. *баба* 'деревенская женщина; (разг.) о любой женщине; (в речи детей) бабушка'; гагауз. *баба*, *бабу* 'старуха; бабка; (устар.) повитуха';

m'ato 'мать'. Ср. болг. *мама*, вок. *мамо*, *маме*, *мами*; рус. *мама*; гагауз. *мама*;

tʃ'itʃo 'брат отца'. Ср. болг. *чичо* (реф. и вок.); болг. диал. *чича*, *чучу*, *чиче*; гагауз. *чичо*, *чичу*, *чучу* в том же значении;

'utʃo 'брат матери'. Ср. болг. *вуйчо* 'брат матери; (диал.) брат отца; муж сестры отца или матери' (реф. и вок.); болг. диал. *вуйча*, *уйка*, *уйке*, *уйкя*, *уйк(ь)о*, *уйча*, *уйчо*, *уче*, *учи*, *учо* 'брат матери; муж сестры отца или матери'; гагауз. *у(й)чу* 'брат матери';

t'oto 'сестра отца или матери; старшая по возрасту женщина'. Ср. болг. диал. *тѣта*, *тѣтя* 'сестра отца; сестра матери; старшая сестра

мужа, вок. *tét(ь)о*, *tét(ь)е*; рус. *тётя* ‘сестра отца или матери; старшая по возрасту женщина’;

b'uŕo ‘жена дяди или брата’, употребляется также при обращении младших по возрасту мужчин и женщин к женщине средних лет. Ср. болг. диал. *буля*, *була* ‘старшая сестра (родная или двоюродная); старшая сестра мужа; жена (старшего) брата, дяди, брата мужа или брата жены’, вок. *буле*, *бульо*; гагауз. *булү* ‘жена старшего брата; обращение к старшей по возрасту женщине’;

k'ako ‘старшая сестра’, также как обращение к старшей по возрасту женщине. Ср. болг. *кака* ‘старшая сестра (родная или двоюродная); (разг., диал.) старшая сестра мужа или жены; жена старшего брата мужа или жены’, вок. *како*, *каке*; гагауз. *кака*, *каку* ‘старшая сестра; двоюродная сестра отца или матери’;

алб. буджак. *drag'inko* ‘младший брат мужа или жены’. Ср. болг. диал. *драгінко*, *драгінчо* ‘младший брат мужа; муж младшей сестры мужа’ (реф. и вок.); гагауз. *драгінку* ‘(младший) брат мужа’;

алб. буджак. *kal'ino* и алб. приаз. *kir'aŕso* ‘младшая сестра мужа или жены’. Ср. болг. диал. *калина* ‘младшая сестра мужа’, вок. *калино*; болг. диал. *керáца* / *кирáца* ‘сестра мужа’, вок. *керáцо* / *кирáцо*; гагауз. *керáца* / *кирáца* ‘(младшая) сестра мужа’ [БТС 2000: 53–54, 245; Шабашов 2002: 117–129; Руднева 2012: 358–359; Холиолчев и др. 2012: 39–40, 107–108, 112–114, 129–132, 173–174, 195–196, 205–207, 261–263, 266–268, 274–275, 351–352, 647–648, 666–669, 676, 679, 695–697; Морозова 2013б: 116–118].

В номинативе определенной формы перечисленные лексемы присоединяют постпозитивный артикль *-u* по образцу «мужского» склонения, в то время как способ образования остальных падежных форм соответствует «женскому» типу: NOM.SG.DEF *m'am-u*, *d'ed-u*, *d'oŕ-u*, *k'irtŕ-u*; ACC.SG.DEF *m'amo-n*, *d'edo-n*, *d'oŕo-n*, *k'irtŕo-n*; OBL.SG.DEF *m'amo-s*, *d'edo-s*, *d'oŕo-s*, *k'irtŕo-s*²³. Наричательные суще-

²³ В албанском языке по типу на *-o* склоняются немногочисленные существительные женского рода и мужские и женские собственные имена с энклитической вокативной частицей *-o*: NOM.SG.DEF *teto-ja* (*teto* ‘сестра отца или матери’), *Koço-ja*, ACC.SG.DEF *teto-n*, *Koço-n*, GEN/DAT/ABL.SG.DEF *teto-s*, *Koço-s* [Demiraj 1988: 171–172]. В говорах юга Албании (в области Корчи и краинах Девол, Скрапар и Дангелия), Чамерии и с. Мандрицы определенная форма номинатива ед. ч. этих существительных образуется с чередованием *-o* ~ *-u*: *teto-a* > *tetua*,

ствительные ж. р. и собственные имена, включаемые в этот тип склонения, имеют также форму на *-a*, которая может употребляться вместо номинатива определенной формы и реже — вместо неопределенной формы на *-o*: *k'ak-a*, *k'ir'ats-a*, *b'uĭ-a*, *m'am-a*, *d'olĭ-a*, *nat'alk-a*, *f'edĭ-a* (ср. болг. *ка̀ка*, *кира̀ца*, *бу̀ля*, *мама*; рус. *мама*, *Наталка*, *Федя*).

К типу на *-o* примыкают заимствованные термины родства с основой на безударный *-e*, которые образуют определенную форму номинатива ед. ч. на *-i* / *-i*. У имен женского рода, относимых к этому типу склонения, имеется также дублетная форма определенного номинатива на *-a*²⁴:

t'at|e, *-i* / *-i* 'отец'. Ср. болг. разг. и диал. *та̀те*, *та̀ти* (реф. и вок.); болг. диал. *та̀та*, *та̀т(ь)о*, *тѐтю*, *тѐтя*, *тя̀ти*, *тя̀тьво*, *тя̀тю*, *то̀те*; гагауз. *та̀ти*, *тѐти*, *тѐтjү*, *то̀ту*, *тя̀ту*;

b'at|e, *-i* / *-i* 'старший брат', употребляется также при обращении младших по возрасту мужчин и женщин к мужчине средних лет [Руднева 2012: 358; Морозова 2013б: 117]. Ср. болг. диал. *ба̀те*, *ба̀ти*, *ба̀тьво* 'старший брат (родной или двоюродный); муж сестры; муж сестры мужа или жены' (реф. и вок.); макед. диал. *ба̀то* 'старший брат'; гагауз. *ба̀ти*, *ба̀тjү* 'старший брат; двоюродный брат отца или матери; мужчина средних лет';

алб. приаз. *m'al|e*, *-i* (*-a*) 'бабка по отцу'. Ср. болг. диал. *ма̀ля* 'мать', вок. *ма̀ле*, *ма̀ли*, *ма̀лы*, *ма̀льо*, *ма̀йле*²⁵; гагауз. *ма̀ле*, *ма̀ли* 'ласковое обращение к матери', употребляется для обозначения бабки в селах Красном, Кубее, Томае;

Ко̀со-a > *Ко̀суа* [Gjinari 1957: 112; 1960: 127; Floqi 1958: 96; Shuteriqi 1965a: 128; Muca 1987: 303; Petriti 1987: 222; Юллы, Соболев 2002: 34]. Л.Я. Демко полагает, что формы на *-и* в говоре албанцев Украины могли развиваться из тоскских диалектных форм на *-иа* [Демко 1970б: 75].

²⁴ Данный словоизменительный тип в говоре включает также собственно албанские существительные ж. р. на безударный *-e*: *n'us|e*, *-i* (*-a*) 'невеста' (лит. *nus|e*, *-ja*).

²⁵ Болг. вок. *ма̀ле* — результат слияния сокращенной зват. формы *ма* и частицы *ле*, ср. также полные варианты вокативов с этой частицей *ма̀йко ле*, *ма̀мо ле* [БЕР 1986: 626]. Референтивная форма *ма̀ля* 'мать', вероятно, производная от вокатива, обнаруживается в восточноболгарских мизийских говорах в районах Русе, Белене, Провадии и Варны, а также спорадически в Добрудже [Холиолчев и др. 2012: 351].

алб. буджак. *m'an|e*, *-i* (-*a*) 'бабка'. Ср. болг. диал. *mána*, *mánja* 'мать', вок. *máne*, *máni*²⁶; гагауз. *máni* 'бабка' в Вулканештах, Дерменжи, Курчи [Шабашов 2002: 82–83, 87, 100, 102–103, 117–120; Руднева 2012: 356; Холиолчев и др. 2012: 54–55, 57–58, 351, 354, 356, 639–642, 651–652, 654, 660–661; Морозова 2013б: 116–117].

Словоформы на *-o*, *-u* (*d'ed|o*, *-u* 'дед', *k'ak|o*, *-u* 'старшая сестра') и *-e*, *-i* / *-i* (*t'at|e*, *-i* / *-i* 'отец', *m'an|e*, *-i* 'бабка') в инновационных типах склонения, возникших в говоре албанцев Украины, соответствуют болгарским вокативным формам, которые были заимствованы в говор напрямую из болгарского или через посредство гагаузского языка. Важнейшей позиционно обусловленной модификацией гласных в болгарском языке является редукция гласных *a > ъ*, *o > y*, *e > и* в неударном слог²⁷. Для вокатива редукция не характерна, но, к примеру, в восточноболгарских (особенно рупских) говорах вокативные формы встречаются и в референтивных контекстах, в которых ее проявление вероятно: *nǎrvijǎ mi mǎš sa zvéšje Iváne* 'моего первого мужа звали Иване', *méne mi víkat Rádo* 'меня зовут Радо' [Стойков 1993: 212, 230], *móytu dǎdu sǎ pumínǎ* 'мой дед умер' (район Добрича) [Холиолчев и др. 2012: 206]. Произносительные варианты без редукции (*dédo*, *máte*) могли быть адаптированы в говоре албанцев Украины по аналогии с существительными на *-o*, относительно давно вошедшими в албанский язык (*teto* 'сестра отца или матери'), и употребляются как албанский номинатив неопределенной формы / вокатив. «Референтивные» варианты с редукцией (*dédu*, *máti*), по-видимому, были отождествлены с номинативом определенной формы, который употребляется только референтивно.

²⁶ От греч. *μάννα* 'мать'. Макед. и ю.-болг. *mána* (Эгейская Македония; р-н Ивайловграда) представляет собой греческое заимствование, а в.-болг. *mánja* (р-н Сливена), возможно, является производным от одного из вариантов собственно болгарского вокатива (*máne*, *máni*), аналогично форме *málya* [БЕР 1986: 648, 658; Холиолчев и др. 2012: 354, 356].

²⁷ Редукция полностью отсутствует в западноболгарских и в части восточноболгарских говоров, расположенных у ятевой границы (*зелéно* 'зеленое', *дáрове* 'приданое', *баштá* 'отец'); для рупских характерна «полуредукция» (*зелéно*, *дáрове*, *баштá*); в родопских и фракийских говорах распространена редукция *o* и *a* (*зелéну*, *дáруве*, *бъштá*); к числу говоров с полной редукцией относятся балканские говоры (*зилéну*, *дърувé*, *бъштá*) [Стойков 1993: 211].

Архаичной чертой говора албанцев Украины является сохранение категории среднего рода существительных — названий веществ и частей тела (см. об этом также: [Демко 1970а: 42–43; Voronina et al. 1996: 40–41]). В общеалбанском к их числу относятся: *dhjamë* ‘жир’, *krye* ‘голова’, *lesh* ‘шерсть’, *mish* ‘мясо’, *ujë* ‘вода’; иногда употребляемые как существительные среднего рода *ballë* ‘лоб’, *brumë* ‘тесто’, *djathë* ‘сыр’, *drithë* ‘зерно’, *dyllë* ‘воск’, *grurë* ‘пшеница’, *miell* ‘мука’, *mjaltë* ‘мед’, *vaj* ‘масло’; употребляемые в диалектах как существительные среднего рода *qumësht* ‘молоко’, *groshë* ‘боб’, *oriz* ‘рис’ и некоторые другие [Buchholz, Fiedler 1987: 209–210; Demiraj 1988: 184]. В албанских письменных памятниках (тексты Г. Бузука, П. Буди, Ф. Барди, П. Богдани), современном албанском языке и диалектах прослеживается тенденция к размыванию категории среднего рода, выраженная в переходе относимых к нему существительных в мужской либо женский род [Demiraj 1988: 98]. Переход части существительных среднего рода в женский род характерен для Корчи и Девола и отсутствует в соседних *краинах* Северной Тоскереи [Petriti 1987: 221; ADGjSh 2007: 209–215]. В говоре албанцев Украины отнесенность к среднему роду последовательно сохраняют лишь некоторые из перечисленных лексем (*kl'uməftə*, -t ‘молоко’, *kri'y*, -tə ‘голова’, *m'il*, -tə ‘мука’). Большая часть образует дублетные варианты м. р. и ж. р., полностью вытесняющие существительные ср. р. или употребляемые параллельно с ними: (ср. р. и м. р.) *m'is*, -tə и *m'is*, -i ‘мясо’, *uj(ə)*, -tə и *uj*, -i ‘вода’, *lesh*, -tə и *lesh*, -i ‘шерсть’; (м. р.) *d'aθ*, -i ‘сыр’; (ж. р.) *d'al'p*, -a ‘масло’, *dyl*, -a ‘воск’, *m'al't|ə*, -a ‘мед’.

Как и в общеалбанском, к среднему роду в говоре относятся артиклевые существительные, образованные путем субстантивации артиклевых прилагательных и адъективированных причастий: *tə b'ardə*, -t ‘белок’ (от прил. *i b'ardə* ‘белый’), *tə v'erdə*, -t ‘желток’ (*i v'erdə* ‘желтый’), *tə m'irə*, -t ‘добро’ (*i m'irə* ‘хороший, добрый’), *tə j'ertə*, -t ‘темнота’ (*i j'ertə* ‘темный’); *tə məs'urə*, -t ‘урок, учеба’ (от гл. *məs'on* ‘учиться’), *tə l'oftə*, -t ‘усталость’ (*l'olem* ‘уставать’), *tə mvi'ilə*, -t ‘воровство’ (*mvi'il* ‘воровать’), *tə sm'urə*, -t ‘болезнь’ (*sm'urem* ‘болеть’), *tə r'ojtə*, -t ‘жизнь’ (*ron* ‘жить’), *tə z'irə* / *tə z'irə*, -t ‘еда’ (*z'in* / *zin* ‘варить; готовить (еду)’), *tə j'etsər*, -tə ‘походка’ (*j'etsən* ‘идти’), *tə l'ilur*, -tə ‘привязь’ (*l'il* ‘привязывать’), *tə r'ipur*, -tə / *tə r'ipur*, -tə ‘грабеж’ (*r'ip* / *rip* ‘грабить’), *tə tr'embur*, -tə ‘испуг’ (*tr'embe* ‘пугаться’). При этом в го-

воре отсутствуют более поздние отадъективные и отглагольные существительные ж. р. типа лит. *e mir-a / mirësi-a* ‘добро’, *e tallur-a / tall-ja* ‘насмешка’, которые употреблялись параллельно или вместо соответствующих существительных ср. р. (*të mirë-t, të tallur-it*) уже в албанских текстах XVI–XVII вв. [Demiraj 1988: 157]. К артиклевому существительному ж. р. в говоре относятся наименования дней недели: *a y'inə* ‘понедельник’, *a m'artə* ‘вторник’, *a mark'urə* ‘среда’, *a j'en'te* ‘четверг’, *a pr'em'te* ‘пятница’, *a ft'unə* ‘суббота’, *a d'ili / a d'ivi* ‘воскресенье’ (лит. *e hënë, e martë, e mërkurë, e enjte, e premte, e shtunë, e diel*).

Категория числа в говоре албанцев Украины представлена двумя рядами форм — единственного и множественного числа. Большинство существительных говора свойственно формальное противопоставление сингулярной и плюральной основ. Основы ед. ч. и мн. ч. совпадают только у некоторых исконно албанских существительных м. р. и ж. р., а также у заимствованных лексем с основой на ударный гласный: *sy* ‘глаз — глаза’, *tuj* ‘месяц — месяцы’, *d'itə / d'itə* ‘день — дни’, *j'avə* ‘неделя — недели’, *x'erə / y'erə* ‘раз — разы’, *k'imbə* ‘нога — ноги’ (лит. *sy, tuaj, ditë, javë, herë, këmbë*); *kusurl'i* ‘хромой — хромые’ (гагауз. *кусурлу* ‘имеющий недостаток, изъян’, *куйу* ‘погреб — погреба’ (гагауз. *куйу* ‘яма; могила; гнездо’).

Наиболее архаичным (и, как следствие, непродуктивным) средством дифференциации сингулярных и плюральных основ существительных в говоре албанцев Украины являются гласные и согласные чередования, характерные для ограниченного количества собственно албанских лексем и заимствований из латыни и древнегреческого: *kal* ‘конь, лошадь’ — *ku* ‘кони, лошади’ (лит. *kalë — kuaj*, из лат. *caballus* [Orel 1998: 166; Çabej 2014: 19]; диал. (переходные говоры Сулёвы, Берзешты, Шпата; *краина* Колёня, Чамерия, о. Саламин, говоры арбрешей Италии) *kuəl / kuəl* [ADGjSh 2007: 251]), *gru* ‘женщина; жена’ — *gra* ‘женщины; жены’ (лит. *grua — gra*), *skla* ‘болгарин’ — *skle* ‘болгары’ (диал. гег. *shqa* ‘болгарин’, из лат. *sclavus* ‘славянин’ [Orel 1998: 432])²⁸, *d'orə* ‘рука’ — *dur* ‘руки’ (лит. *дорë — duar*),

²⁸ Диал. с.-вост. гег. *shkjā, -u — shkjē, -t*; с.-зап. гег. *shkā, -u — shkije, -t*; ю.-гег. *shqā, -u — shqē, -të*; с.-тоск. *shqa, -u — shqe, -të*, ляб. *shqa, чам. *shkla ‘славянин, славяноговорящий’ (в диалектах распространены дериваты с пейоративным оттенком значения, например чам. *shklirë* ‘распутная женщина’) [Demiraj B.

pʎak ‘старик’ — *pʎekj* / *pʎetj* ‘старики’ (лит. *plak* — *pleq*), *ka* ‘вол’ — *kʲe* ‘волы’ (лит. *ka* — *qe*), *dʎalʲ* ‘мальчик; сын; ребенок’ — *dʎim* / *dʎim* ‘мальчики; сыновья; дети’ (лит. *djalė* — *djet* < *djel-m*; помимо чередования *a* ~ *e* в основе мн. ч. присутствует суффикс *-m* [Demiraj 1988: 245]).

Чаще всего основа мн. ч. собственно албанских и заимствованных существительных в говоре образуется путем добавления к основе ед. ч. плюральных аффиксов (присоединение аффикса может сочетаться с чередованиями в основе):

-*a*: (м. р.) *bur* ‘мужчина; муж’ — *bʲur-a* ‘мужчины; мужья’ (лит. *burrė* — *burra*), *trʲim* / *trim* ‘парень; храбрец’ — *trʲim-a* / *trʲim-a* ‘парни; храбрецы’ (лит. *trim* — *trima*), *bʲir* ‘сын’ — *bʲir-a* ‘сыновья’ (лит. *bir* — *bij*); (ж. р.) *tʲʲurə* ‘девочка, девушка; дочь’ — *tʲʲur-a* ‘девочки, девушки; дочери’ (диал. с.-тоск. *çirė* — *çira*), *mʲolə* ‘яблоко’ — *mʲol-a* ‘яблоки’ (лит. *mollė* ‘яблоко, яблоня’ — *molla*), *jʲembər* ‘имя’ — *jʲembr-a* ‘имена’ (лит. *emėr* — *emra*), *fidʲanə* ‘дерево’ (гагауз. *фидан* ‘дерево’; тур. *fidan* ‘росток, побег, лоза’; болг. устар. *фидань* ‘молодое деревце’ [Геров 1904: 473]) — *fidʲan-a* ‘деревья’, *stʲenə* ‘стена’ — *stʲen-a* ‘стены’ (болг. *стенá*, рус. *стена*, *-ы*);

2014: 159, 163–165, 172]. Используется как экзоэтноним для соседей-славян: в с.-зап. гег. в значении ‘черногорец’, в с.-вост. гег. ‘серб’, в ю.-гег. и с.-тоск. ‘македонец / болгарин’; в албанских селах Северо-Западной Македонии *shka*, *shia* называют соседей-македонцев, в отличие от болгар (*bugar* ‘болгарин’) [Demiraj В. 2014: 164, 188]. Может использоваться также для обозначения последователей Сербской и Болгарской православных церквей (православных болгар, сербов); албанцы-мусульмане в Западной Македонии (Река) называют православных албанцев *shqa* [Demiraj В. 2014: 166]. В говорах албанской диаспоры: с.-зап. гег. (Задар) *shkjō*, *-au* — *shkē*, *-t* ‘серб’ [Demiraj В. 2014: 173]; алб. мандр. *shkla* / *shqa*, *-u* — *shkle* / *shqe*, *-tė* ‘болгарин’; *shklirė*, *shklerisht* [Shuteriqi 1965a: 167; Sokolova 1983: 39]; арв. *ʃklá* ‘грек; не арванит’ [Sasse 1991: 104]. В говоре албанцев Украины: *shkla* ‘болгарин’ [Islami 1955: 165]; *škláu* ‘болгарин’ [Котова 1956: 263]; *ʃklʲe*, *-tə* ‘болгары’ [Морозова: ПМА 2005: Пиперко]; *mʲamui jif ʃklʲirə ga bʲotʲevo* ‘его мать была болгаркой из Ботево’ [Морозова: ПМА 2007: Пиперко]; *un min tə zalayʲit le si nʲevo le porʲuskʲi, a si ʃklʲetə un nok ʃəptʲon asʲen* ‘я могу говорить и по-нашему, и по-русски, а по-болгарски я не понимаю ничего’ [Морозова: ПМА 2009: Мельничук]; *parʲa* — *kto jan ʃklʲerʲiftə nara* — это по-болгарски’ [Морозова: ПМА 2009: Пиперко]; *artkan tri ʃklʲe* ‘приехали три болгарина’; *ajʲu jif ʃklʲa* ‘он был болгарин’ [Морозова: ПМА 2009: Пиперко].

-ə: (м. р.) *fok* 'друг' — *f'ok-ə* 'друзья' (лит. *shok* — *shokė*), *kafad'ar* 'друг' — *kafad'ar-ə* 'друзья' (гагауз. *кафада́р* 'друг, приятель, товарищ'; тур. *kafadar* 'родная душа; единомышленник'), *trakatar'ist* 'тракторист' — *trakatar'ist-ə* 'трактористы' (рус. *тракторист*, -ы), *kaz'an* 'ведро' — *kaz'an-ə* 'ведра' (гагауз. *казáн* 'ведро'; лит. *kazan* — *kazanė* 'казан, котел', от тур. *kazan* 'казан, котел');

-e: (м. р.) *kok'al* 'кость' — *koŋ'eŋ-e* 'кости' (лит. *kokallė* — *kokalla*), *mŋat* 'село' — *mŋet-e* 'села' (лит. *fshat* — *fshatra*);

-ni: (м. р.) *br'i* 'рог' — *br'i-ni* 'рога' (лит. *bri* — *brirė*, диал. тоск. (Корча, Виткукь, о. Саламин, о. Сицилия) *brijn* [ADGjSh 2007: 221]), *komŋ'i* 'сосед' — *komŋ'i-ni* 'соседи' (лит. *komshi* — *komshinj*; болг. устар. *комши́я*; гагауз. *ком(у)шú*; тур. *komşu*), *tforbadž'i* 'глава семьи; богач; хозяин' — *tforbadž'i-ni* 'главы семей; богачи; хозяйева' (болг. *чорбаджия* 'богач; господин, хозяин'; гагауз. *чорбажы́* 'хозяин, владелец'; тур. разг. *çorbacı* 'господин, хозяин'), алб. буджак. *m'eriēđž'i* 'сторож поля' — *m'eriēđž'i-ni* 'сторожа поля' (от гагауз. *мерá* 'угодья, владения'; тур. *mera* 'луг, пастбище, выгон'), алб. буджак. *b'ektŋ'i* 'сторож виноградника' — *b'ektŋ'i-ni* 'сторожа виноградника' (гагауз. *бекчи́* и тур. *bekçi* 'сторож'), алб. приаз. *tazli* 'житель / выходец из с. Девнинского (Таз)' — *tazli-ni* 'жители / выходцы из с. Девнинского (Таз)', *fərfəri* 'тарелка' — *fərfəri-ni* 'тарелки' (гагауз. *фарфурú* 'мелкая тарелка'; рум. *farfurie* 'тарелка; фарфор'; алб. лит. *farfuri* 'фарфор');

-ər: (м. р.) *vla* 'брат' — *vl'a-z-ər* 'братья' (лит. *vėlla* — *vėlle-z-ėr*), *il'atŋ* 'лекарство' — *il'atŋ-ər* 'лекарства' (лит. *ilaç* — *ilaçe*; гагауз. *илáч*; тур. *ilaç*), *k'en* 'собака' — *k'en-ər* 'собаки' (лит. *qen* — *qen*);

-ra: (м. р.) *ŋi* 'дождь' — *ŋi-ra* 'дожди' (лит. *shi* — *shira*); (ж. р.) *stəp'i* 'дом' — *stəp'i-ra* 'дома' (лит. *shtėpi* — *shtėpi*), *kl'ifə* 'церковь' — *kl'ifa-ra* 'церкви' (лит. *kishė* — *kisha*), *b'ilə* 'дочь' — *b'il(ə)-ra* 'дочери' (лит. *bijė* — *bija*), *k'urə* 'стакан, чашка' — *k'ur(ə)-ra* 'стаканы, чашки' (лит. *kurė* — *kura*), *d'igə* 'ветка' — *d'ig(ə)-ra* 'ветки' (лит. *degė* — *degė*), *p'lit'a* 'плита' — *p'lit'a-ra* 'плиты' (рус. *плита*, -ы), *maŋ'inə* 'машина' — *maŋ'ind-ra* 'машины' (рус. *машина*, -ы); (ср. р.) *uj(ə)* 'вода' — *uj(ə)-ra* 'воды' (лит. *ujė* — *ujėra*); (общ. р.) *fukar'a* 'бедняк, беднячка' — *fukar'a-ra* 'бедняки, беднячки' (лит. *fukara* — *fukarenj*). Аффикс -ra имеет варианты -ro, -re, которые используются с заимствованными терминами родства и именами собственными на -o, -e: *t'ate* 'отец' — *t'ate-re* 'отцы', *m'al'e* 'бабка по отцу' — *m'al'e-re* 'бабки по отцу', *n'use*

‘невеста’ — *n'use-re* / *n'use-ra* ‘невесты’ (лит. *nuse* — *nuse*); *m'amo* ‘мать’ — *m'amo-ro* ‘матери’, *d'edo* ‘дед’ — *d'edo-ro* ‘деды’, *b'abo* ‘бабка по матери’ — *b'abo-ro* ‘бабки по матери’, *tʃ'iʃo* ‘дядя по отцу’ — *tʃ'iʃo-ro* ‘дяди по отцу’, *uʃo* ‘дядя по матери’ — *uʃo-ro* ‘дяди по матери’, *t'oto* ‘тетка’ — *t'oto-ro* ‘тетки’, *d'oʃo* ‘Дочо (Евдокия)’ — *d'oʃo-ro* / *d'oʃo-ra* ‘Дочи (Евдокии)’.

Судя по набору аффиксов, используемых для оформления мн. ч. заимствований из болгарского и гагаузского языков, относительно продуктивными в говоре до недавнего времени оставались: *-a* для существительных женского рода на безударный гласный (*f'id'an-a* ‘дерева’), *-ə* для имен мужского рода с основой на согласный (*kaz'an-ə* ‘ведра’) и *-ni* — для образования основ мн. ч. катойконимов (*taz'i-ni* ‘жители / выходцы из с. Девнинского’), имен деятелей и названий профессий (*m'ier'eđʒ'i-ni* ‘сторожа поля’). В настоящее время самым продуктивным способом образования основ мн. ч. остается добавление к основам ед. ч. плюральных аффиксов *-ər* и *-ra*²⁹. Аффикс *-ər* оформляет заимствования м. р. на согласный (*iʃ'atʃ-ər* ‘лекарства’) и может присоединяться к существительным, для которых в общеалбанском характерны другие модели образования мн. ч. (например, без противопоставления плюральной и сингулярной основ: *k'ien* ‘собака’ — *k'ien-ər* ‘собаки’, ср. лит. *qen* — *qen*). Аффикс *-ra* и его варианты *-re* / *-ro* оформляют основы мн. ч. заимствованных существительных, принадлежащих к инновационным типам склонения на *-o* и *-e* (*m'amo-ro* ‘матери’, *t'ate-re* ‘отцы’), а также множественное число большинства поздних заимствований ж. р. (*pʃit'a-ra* ‘плиты’, *maʃ'ind-ra* ‘машины’). Кроме этого, большинство информантов образуют с помощью *-ra*

²⁹ Ср. с наблюдениями Л.Я. Демко над говором с. Каракурта: «Наиболее продуктивными образованиями множественного числа у существительных мужского рода являются формы на *-ë*, *-ër* (образования на *-jni*, *-e*, *-a* менее продуктивны). <...> Наиболее продуктивным образованием множественного числа для существительных женского рода является форма на *-ra*, свойственная большинству существительных женского рода, оканчивающихся в форме единственного числа (в исходе слова) на ударный гласный или на неударный *-ë*» [Демко 1970а: 44, 49]. Аффикс *-ra* продуктивен также в албанском говоре с. Мандрицы, где он используется для образования основы мн. ч. существительных ж. р., заимствованных терминов родства (*djado-ra* ‘деды’) и собственных имен на *-o* (*Risto-ra*) [Domi, Shuteriqi 1965: 108].

формы мн. ч. многих собственно албанских существительных. Эти формы употребляются параллельно с исконными или замещают их: *p'unə* 'работа, дело' — *p'unə* и *p'un(ə)-ra* 'работы, дела' (лит. *punë* — *punë*), *k'ingə* 'песня' — *k'inga* и *k'ing(ə)-ra* 'песни' (лит. *këngë* — *këngë*), *l'uļe* 'цветок' — *l'uļe* и *l'uļe-ra* 'цветы' (лит. *lule* — *lule*), *n'atə* 'ночь' — *n'etə* и *n'at(ə)-ra* 'ночи' (лит. *natë* — *net*); *ftəp'i* 'дом' — *ftəp'i-ra* 'дома' (лит. *shtëpi* — *shtëpi*), *d'igə* 'ветка' — *d'ig(ə)-ra* 'ветки' (лит. *degë* — *degë*), *n'use* 'невеста' — *n'use-re* / *n'use-ra* 'невесты' (лит. *nuse* — *nuse*) и др. Вариативность форм мн. ч., образуемых с использованием других суффиксов, также проявляется в речи разных информантов: *prift* 'священник' — *pr'ift-ər* / *pr'ift-ə* 'священники' (лит. *prift* — *priftërinj*, диал. (Брегдети-и-Поштем, Чамерия, о. Саламин) *priftər* [ADGjSh 2007: 238]), *θes* 'мешок' — *θ'as-ə* / *θ'es-ə* 'мешки' (лит. *thes* — *thasë*), *ul'k* 'волк' — *ul'qin'i* [Котова 1956: 262] / *ul'k-er* 'волки' (лит. *ujk* — *ujq* / *ujqër*).

Инновационной особенностью в выражении общеалбанской категории **определенности** в говоре албанцев Украины является утрата косвенно-падежных форм в неопределенном подтипе склонения (см. также: [Демко 1970а: 53–54; Voronina et al. 1996: 60–61]).

В системе именного словоизменения сохраняется одна неопределенная / немаркированная форма единственного числа, которая формально и функционально совпадает с общеалбанским неопределенным номинативом-аккузативом и немаркированной формой беспризнакового падежа. Функции беспризнакового падежа, выполняемые неопределенной / немаркированной формой в исследуемом говоре, включают употребление в качестве приложения (5а), несогласованного определения при именах со значением массы и количества (5б) и в качестве определяемого слова в именной группе (ИГ) с препозицией определения (5в)³⁰:

³⁰ С помощью беспризнакового падежа (нем. *merkmalloser Kasus*) в литературном албанском языке описываются случаи употребления существительного в функции приложения и в качестве несогласованного определения в составе ИГ, где определяемым словом является существительное со значением массы, количества: *lumi Shkumbin* 'река Шкумбин', *një gotë raki* 'стакан ракии' [Buchholz, Fiedler 1987: 226]. В этой форме существительные употребляются также в качестве определяемого в адъективной ИГ с препозицией определения: *i dashuri Bujar* 'дорогой Буяр' [Morozova, Rusakov 2015: 297].

- (5a) *n'unⁱ-i m'arko* <кум-NOM.SG.DEF Марко.SG> 'кум Марко';
 (5б) *n'i θes k'oθe* <один мешок.SG.INDF зерно.SG> 'один мешок зерна'
tri k'il'o m'il <три килограмм.SG.INDF мука.SG> 'три килограмма
 муки';
 (5в) *ma tə p'arⁱ-it nar'i* <с ART.LOC.SG первый-M.LOC.SG муж.SG> 'с пер-
 вым мужем'
s'imⁱ-as m'otar nar'i^w-u <МОЙ-F.OBL.SG.DEF сестра.SG муж-
 NOM.SG.DEF> 'муж моей сестры'
b'ur-i i kəs'aj gru <муж-NOM.SG.DEF ART.M.NOM.SG ЭТОТ.F.SG.OBL
 женщина.SG> 'муж этой женщины'³¹

В контекстах, которые в общеалбанском требуют номинатива или аккузатива, дистрибуция неопределенной / немаркированной и соответствующих определенных форм в речи на говоре определяется совокупностью синтаксических и прагматических факторов. В неопределенной форме существительные употребляются в составе предиката, выражающего свойство или признак субъекта (6). Неопределенная форма существительного в позиции подлежащего, прямого дополнения и в сочетании с предлогами, управляющими аккузативом, выражает нереперентность, неопределенность или неизвестность обозначаемого им объекта (7а). Реперентные определенные объекты маркируются существительными в определенной форме (7б).

- (6) *p'un-a*   *nok fti*   *u'lk.*
 работа-NOM.SG.DEF   NEG   БЫТЬ.PRS.3SG   волк.SG.INDF
 'Работа не волк.'

- (7а) *n'i d'alⁱ*   *γoθ*   *ma gur,*
 один мальчик.SG.INDF   бросать.AOR.3SG   с камень.SG.INDF
isa ta   *ng'ord-ə*   *jard'etfka.*
 чуть   SBJV:CLIT.3SG.ACC   убивать-SBJV.PRS.3SG   утка.SG.INDF
 'Один мальчик бросил камень и чуть не убил утку.'

³¹ В составе несогласованного определения, которое выражено ИГ с притяжательным или указательным местоимением, существительное чаще употребляется в определенной (маркированной) форме: *s'imⁱ-as m'otar-sə* 'моей сестры', *kəs'aj gr'u-sə* 'этой женщины'.

(76)	<i>jard'etĭk-a</i>	<i>и</i>	<i>smur</i>	<i>и</i>	<i>na</i>
	утка-NOM.SG.DEF	INACT	болеть.INACT.AOR.3SG	и	мы
	<i>a</i>		<i>duft'e-jt-əm</i>		<i>koms'in'i-t.</i>
	CLIT.3SG.ACC		показать-AOR-AOR.1PL		сосед-OBL.SG.DEF

‘Утка заболела, и мы показали ее соседу.’

Утрата косвенно-падежных форм в неопределенном склонении и сохранение одной неопределенной формы ед. ч. с нулевым окончанием характерны и для говоров албанской диаспоры в Греции (арванитика [Haebler 1965: 63, 66; Sasse 1991: 94]) и Болгарии (говор с. Мандрицы [Sokolova 1983: 63]). Как представляется, данная особенность островных албанских говоров, с одной стороны, связана с наличием ограничений синтаксического порядка на употребление неопределенной формы ед. ч. существительных в самом албанском языке [Demiraj 1988: 391–392]³². С другой стороны, своеобразным катализатором процесса утраты косвенно-падежных форм в неопределенном склонении могли послужить контакты с другими языками и диалектами. В говоре с. Мандрицы решающую роль играл контакт с болгарским языком, не обладающим морфологически выражаемой категорией падежа существительных (за исключением некоторых реликтовых форм в диалектах). Для арванитики большое значение, по-видимому, имел контакт с греческим, где определенность / неопре-

³² Неопределенная форма генитива-датива употребляется только в сочетании с препозитивным (местоименным) определением: *kontributi i çdo punonjësi* ‘вклад каждого рабочего’. Функции аблатива включают употребление в позиции несогласованного определения (*këngë dashurie* ‘любовная песня’ — наряду с изосемантическими генитивными конструкциями *kënga e dashurisë*) и в обстоятельственном значении в выражениях типа *plasa vape* ‘(разг.) умираю от жары’ (букв. «я лопнул(-а) от жары»), *kësaj vere* ‘этим летом’ [Buchholz, Fiedler 1987: 223–225, 228]. В говоре албанцев Украины в ИГ с препозицией местоименного определения используется определенная косвенно-падежная либо неопределенная / немаркированная форма (см. пример (5в) и сноску 31). Конструкции с несогласованным аблативным определением отсутствуют, а обстоятельственные значения, как правило, выражаются предложными конструкциями или определенной формой косвенного падежа (см. разделы о падеже и неизменяемых частях речи).

деленность существительного выражается препозитивным артиклем (то есть вне именной словоформы). На говор албанцев Украины помимо контактов с болгарским могло повлиять и взаимодействие с гагаузским и русским языками, в которых существительные не имеют категории определенности.

Во множественном числе в говоре албанцев Украины противопоставлены определенная и неопределенная формы номинатива-аккузатива: *tə m'ir-a gra* <ART.PL хороший-F.PL.INDF женщина.PL> 'хорошие женщины', *v'i-n b'i'l'-a ma d'im-tə* <приходить-PRS.3SG дочь-NOM.SG.DEF с дети.PL-ACC.PL.DEF> 'приезжает дочь с детьми'. В контекстах, требующих в общеалбанском генитива, датива и аблатива, используется косвенно-падежная форма определенного склонения с окончанием *-vet*: *a gr'a-vet p'unə* <ART.F.NOM.SG женщина.PL-OBL.PL.DEF работа.SG> 'женская работа' (букв. «работа женщин»), *a θ'un-ka kafad'ar-ə-vet* <CLIT.3SG.ACC сказал-ADM.PRS.3SG друзья-PL-OBL.PL.DEF> 'сказал это друзьям'³³. Неопределенные формы на *-ve* отсутствуют. Подобное развитие системы именного словоизменения во мн. ч., отличное от общеалбанского, соответствует общей тенденции к редукции неопределенного склонения, которая в говоре албанцев Украины коснулась всех косвенно-падежных форм: утрачены косвенно-падежные формы неопределенного склонения в ед. ч., неопределенные формы на *-ve* во мн. ч. и неопределенная форма аблатива на *-sh* во мн. ч. Для сравнения: в говоре с. Мандрицы аналогичная тенденция не реализована полностью, и неопределенные формы генитива, датива и аблатива на *-ve* употребляются спорадически наряду с более частотными формами на *-vet*: *Mumjânia u sôtë vllázërve ze mótrave* 'Мумьяно (им) говорит братьям и сестрам' (неопреде-

³³ Аналогичные формы на *-vet* сохраняются только в староалбанских письменных памятниках, текстах арбрешских авторов и диалектах [Demiraj 1988: 370], в то время как в современном литературном албанском языке имеется одна форма определенного / неопределенного генитива-датива и аблатива мн.ч. на *-ve* (*pun-a e gra-ve* <работа-NOM.SG.DEF ART.F.NOM.SG женщина.PL-GEN/DAT.PL.INDF/DEF> 'работа женщин; женская работа') и особая неопределенная форма аблатива на *-sh* (*punë gra-sh* <работа.NOM.SG.INDF женщина.PL-AVL.PL.INDF> 'женская работа'), утратившая функциональную самостоятельность и превратившаяся в «факультативный вариант косвенного падежа» [Русаков 2013: 138].

ленный аблатив на *-sh* полностью вытеснен формой на *-ve*) [Sokolova 1983: 64].

Категория **падежа** в говоре албанцев Украины включает граммы номинатива, аккузатива, косвенного падежа³⁴, локатива³⁵. Основанием для выделения падежей служит их формальное противопоставление в единственном числе определенного склонения (неопределенное склонение в говоре албанцев Украины редуцировано, как описано выше; во множественном числе, как и в общеалбанском, не противопоставлены формы номинатива и аккузатива). Основные типы склонения существительных отражены в приложении к настоящему очерку.

Система морфологических падежных показателей говора в целом соответствует общеалбанской. Существительные мужского рода на согласный (в том числе немногочисленные лексемы, основа которых ранее оканчивалась на безударный *-ë*) сохраняют старые формы

³⁴ Формы генитива, датива и аблатива, традиционно выделяемые албанскими нормативными грамматиками [Newmark et al. 1982; Buchholz, Fiedler 1987; Gramatika 2002], в говоре албанцев Украины полностью омонимичны. Целесообразным представляется выделение в говоре граммы «косвенного падежа» (OVL).

³⁵ Форма локатива, находящаяся вне противопоставления по определенности, предположительно, является инновацией албанского языка, которая могла возникнуть в первые века «вторичных» контактов между двумя основными диалектами (XII–XIV вв.). Центром ее иррадиации является зона гегско-тоскского пограничья, однако «употребление формы локатива могло в какой-то период времени распространиться на более широкую территорию, нежели сегодняшняя, а затем могла произойти ее потеря в периферийных (по отношению к этой инновации) диалектах» [Русаков 2013: 149]. Локатив наиболее последовательно употребляется в ареале, охватывающем современные севернотоскские и часть южногегских и среднегегских говоров [ADGjSh 2007: 263]. Йорги Ѓинари полагает, что эта падежная форма развилась из конструкций с предлогом *në* ‘в, на’: (Берат) *në mal t(ë) Goricë-s* <на гора.ACC.SG.INDF ART.ACC.SG.INDF Горица-GEN/DAT.SG.DEF> — *në mal-t Goricë-s* <на гора-LOC.SG Горица-GEN/DAT.SG.DEF> ‘на горе(-у) Горице(-у)’ — *në mal-t* ‘на горе(-у)’, *në odë t(ë) madh-e* <в комната.ACC.SG.INDF ART.ACC.SG.INDF большой-F.SG> — *në odë-t madh-e* <в комната-LOC.SG большой-F.SG> ‘в большой(-ую) комнате(-у)’ — *në odë-t* ‘в комнате(-у)’. Ср. с простыми топонимами, не требующими определения, которые не употребляются в локативе: *në Tiran* ‘в Тиране(-у)’, *në Berat* ‘в Берат(-е)’ [Gjinari 1957: 118–119].

аккузатива ед. ч. с окончанием *-нə*, присоединяемым непосредственно к основе: *d'alʃ* 'мальчик' — *d'alʃ-nə* (лит. *djal-i-n(ė) < djalė-nė*), *malʃ* 'лес' — *m'alʃ-nə* (лит. *mal* 'гора', *mal-i-n(ė) < mal-nė*). Аналогичным образом в говоре оформляются недавние заимствования мужского рода: *tr'aktar* 'трактор' — *tr'aktar-nə*. Некоторые собственно албанские существительные образуют и более новые формы с тематическим гласным *-i-*, *-u-* перед окончанием: *d'alʃ-in*. Смещение старых и новых форм аккузатива существительных мужского рода характерно также для говоров с. Мандрицы (*mál-nė* 'гору', *gúr-nė* 'камень', *kál-nė* 'коня', *úlk-nė* 'волка'; реже — *mali-nė*, *guri-nė*, *kali-nė*, *ulki-nė*) [Domí, Shuteriqi 1965: 108; Sokolova 1983: 66] и о. Саламина (*'djalə-nə* 'мальчика', *'pus-i-nə* / *'pus-nə* 'колодец', *'zoj-u-nə* / *'zoj-nə* 'птицу') [Haebler 1965: 63, 65].

Локатив в говоре албанцев Украины употребляется после предлога *та 'с* (для обозначения инструмента, средства), после предлогов *мар* 'над', *ни* 'в' и производных предлогах *d'er ni* 'до', *pər ni* 'по, через', *ga mar* 'из-под' (указание местонахождения, источника, цели): *та l'ugə-t* 'с ложкой', *ни m'alʃ-t* 'в лес(-у)', *ни sk'olə-t* 'в школе(-у)', *pər ni mʃ'at-tə* 'по селу', *ga mar st'olə-t* 'из-под стола'. В локативных, аллативных и комитативных конструкциях с предлогами *та 'с* и *ни* 'в, на' также может употребляться аккузатив: *aju shkon ni klishə-n* 'он идет в церковь', *pəstaj artkan ni kasaba-nə* 'потом они пришли в город' [Voronina et al. 1996: 58]; *та b'abo-n D'ol'a* 'с бабой Долей', *ни 'odə-n* 'в кладовой(-ую)'. Смещение локатива и аккузатива наблюдается и в современных тосских говорах албанского языка (например, в *краинах* Скрапар, Девол и Дангелия и в говорах городов Корчи и Берата). Помимо *nə* / *ndə* / *də*³⁶ 'в, на' и *те 'с*, локатив в этих говорах может сочетаться с предлогами *тə* 'в, на', *nən(ė) / ndənė / dənė* 'под', *mbi / bi* 'над', *pərmbi* 'над, по', *nəpər / ndəpər / dəpər* 'по, на; через', *pər* 'для' [Gjinari 1957: 118; 1958: 93; 1960: 114; Floqi 1958: 97; Petriti 1987: 223; Юллы, Соболев 2002: 46, 55]. Аналогичным образом локатив

³⁶ Упрощение групп согласных *mb > b*, *nd > d* в предлогах является характерной особенностью говоров сел в окрестностях Корчи (с. Булгарец) [Milkanj 1971: 166–167] и говора *краины* Девол: *dənė rapt* (лит. *nən rrapin*) 'под платаном', *də atə pərūat* (лит. *nə atə pərriua*, *nə atə pərroin*) 'в этот(-ом) источник(-е)' [Gjinari 1960: 114].

употребляется в говоре с. Мандрицы (предлог *ndë / në* может также управлять номинативом, предлоги *për* и *me* — аккузативом) [Sokolova 1983: 67]. Употребление только форм косвенного падежа и аккузатива с большинством перечисленных предлогов (*d'ana fid'anə-s* <под дерево-OBL.SG.DEF> 'под деревом', *pər m'amo-n* <для мать-ACC.SG.DEF> 'для матери') и вариативность аккузатива и локатива в конструкциях с предлогами *ta* 'с' и *n'i* 'в, на' в говоре албанцев Украины могут указывать на то, что в период, предшествовавший их миграции, инновационная форма локатива еще не получила в говорах «материнского» ареала широкого распространения.

В локативе, как правило, не употребляются топонимы. Локативное и аллативное значения чаще выражаются неопределенной формой без предлога: *aj'u ro-n kiz'ar* <он жить-PRS.3SG Мелитополь.SG.INDF> 'он живет в Мелитополе', *Mar'ik-u ad 'ei taz* <Мария-NOM.SG.DEF FUT идти.SBJV.PRS.3SG Таз.SG.INDF> 'Мария пойдет в Девнинское'³⁷.

1.2. Прилагательные по структурному типу делятся на артиклевые и безартиклевые. Артиклевый тип представлен общеалбанскими простыми прилагательными с основой на *-ə* или согласный (*i b'ardə* 'белый', *i d'alə* 'живой', *i gl'atə* 'длинный', *i x'olə / i γ'olə* 'тонкий', *i x'ortə / i γ'ortə* 'сильный', *i m'irə* 'хороший', *i m'urə* 'темно-синий', *i r'alə* 'редкий, жидкий', *i tr'afə* 'толстый', *i v'erə* 'желтый'; *i b'ukur* 'красивый', *i g'e'l'bər / i d'e'l'bər* 'зеленый', *kuk / i ku'* 'красный', *i l'ik* 'злой, плохой'), адъективированными причастиями (*i x'aptə / i γ'aptə* 'открытый', *i mb'yltur / i mb'ultur* 'закрытый') и производными прилагательными с суффиксами *-fmə / -fmi* (*i m'entəfmi* 'умный', *i d'ifmə / i d'ifmə* 'вчерашний', *i s'otəfmi* 'сегодняшний'), *-mə* (*i m'al'mə* 'жирный', *i pəst'ajmə* 'последний'), *-tə* (*i x'ekurtə / i γ'ekurtə* 'железный', *i alt'intə / i alt'intə* 'золотой', *i dr'un'tə* 'деревянный', *i l'estə* 'шерстяной', *i θ'artə* 'кислый') и префиксом *pa-* (*i pa'l'arə* 'грязный'). Артикль имеет следующие формы:

³⁷ В албанских говорах Девола и окрестностей г. Корчи существительные в аккузативе могут употребляться в адвербиальной функции без предлога: (Девол) *pastaj vajta Korçë* 'потом я пошел/поехал в Корчу', *tashti z vemi as kishë* 'теперь не ходим даже в церковь' [Gjinari 1960: 121].

	M.SG	F.SG	N.SG	PL
NOM	<i>i</i>	<i>a</i>	<i>tə</i>	<i>tə</i>
ACC	<i>tə</i>	<i>tə</i>	<i>tə</i>	<i>tə</i>
OBL	<i>tə</i>	<i>sə</i>	<i>tə</i>	<i>tə, sə</i> ³⁸
LOC	<i>tə</i>	<i>tə</i>	<i>tə</i>	-

К безартиклевому прилагательным относятся единичные собственно албанские лексемы, для которых первично субстантивное употребление (*pʎak* ‘старик; старый’, *tʃorbadž'i* ‘глава семьи; богач; хозяин; богатый’ (болг. *чорбаджия* ‘богач; господин, хозяин’; гагауз. *чорбажы* ‘хозяин, владелец’; тур. разг. *çorbacı* ‘господин, хозяин’)), и ряд заимствованных неизменяемых прилагательных: *taz'e* ‘свежий’ (от гагауз. *тазэ*; тур. *taze* в том же знач.), *kirn'ak* ‘хорошо сидящий (об одежде)’ (гагауз. *кырнák* ‘опрятный’; тур. разг. *kırnak* ‘нарядный, элегантно одетый’), *fas'il* ‘интересный’ (гагауз. *фасыл* ‘странный, чудной’), *каҕəрл'i / каҕəрл'i* ‘грустный, опечаленный’ (гагауз. *кахырлы*; тур. *kahırlı*), *касмəтл'i / кəсмəтл'i* ‘счастливый, удачливый’ (гагауз. *кысмəтлi*; тур. *kismetli*), *m'il'aj'im* ‘ласковый’ (заимствование с метатезой; от гагауз. *майыл* ‘наклонный; (перен.) имеющий склонность к кому-л.; желанный’ с аффиксом принадлежности: *бенім майыл-ым* <мой желанный-POSS.1SG> ‘моя желанная’ [Гайдаржи и др. 1973: 323]), *prost* ‘плохой’ (от гагауз. *прост* ‘дурак; плохой’, болг. *прост* ‘простой; обыкновенный; неученый; простодушный; плохого качества’ или рум. *prost* ‘глупый, неумный; простой, обыкновенный; плохой, неважный; дурной’) и др.

Артиклевые прилагательные обладают грамматическими категориями рода, числа и падежа. Качественные прилагательные, кроме этого, имеют категорию степени сравнения, которая выражается аналитически с помощью показателя *tu / mə* (лит. *mė*) для компаратива и *mint* — для суперлатива: *at'o mə t'eʃkər* <они COMPR ART.PL:маленький.M.PL>

³⁸ Косвенно-падежная форма ед. ч. артикля женского рода *sə* может употребляться во мн. ч.: *sə d'ila-vat tə t'e-tə p'unə* <ART.OBL.PL весь-OBL.PL.DEF SBJV иметь-SBJV.PRS.3SG работа.SG.INDF> ‘чтобы всем была работа’ [Морозова: ПМА 2007: Пиперко]. Аналогичное явление отмечено в говоре Девола, где артикль *sə* может сочетаться с формами мн. ч. существительных мужского и женского рода: *də vaktit tē lufrave sē para* ‘во время первых войн’, *sē rinjve u flitet mə teprē* ‘молодым говорится слишком много’ [Gjinari 1960: 114].

‘они младше’; *mint i j'otʃkr'i b'ir* <SUPRL ART.M.NOM.SG маленький-М.NOM.SG.DEF сын.SG> ‘самый младший сын’.

Род, число и падеж артиклевых прилагательных выражаются препозитивным адъективным артиклем при согласовании с существительными. Как и в общеалбанском, род и число могут выражаться морфологически в основе прилагательного. Противопоставление основ м. р. и ж. р. в ед. и мн. числе сохраняется у прилагательных *i z'i* ‘черный’, *i maθ* ‘большой’, *i r'i / i ri* ‘молодой’, *i j'ogəl'* ‘маленький’:

- (8) М.СГ *i z'i*, F.СГ *a z'ezə*; М.ПЛ *tə z'in'i*, F.ПЛ *tə z'ezə*;
 М.СГ *i maθ*, F.СГ *a m'alə*; М.ПЛ *tə mbl'en'i*, F.ПЛ *tə mbla*;
 М.СГ *i r'i / i ri*, F.СГ *a re*; М.ПЛ *tə ri*, F.ПЛ *tə ra*;
 М.СГ *i j'ogəl'*, F.СГ *a j'ogəl'*; М.ПЛ *t'egəl'*, F.ПЛ *t'og'l'a*.

Простые артиклевые прилагательные с основой на -ə и на согласный регулярно выражают противопоставление по роду во мн. ч.: М.ПЛ *tə b'ardə* — F.ПЛ *tə b'ard-a* ‘белые’, М.ПЛ *tə m'irə* — F.ПЛ *tə m'ir-a* ‘хорошие’, М.ПЛ *tə b'ukur* — F.ПЛ *tə b'ukr-a* ‘красивые’; М.ПЛ *t'imbəl'* — F.ПЛ *t'imbl'-a* ‘сладкие’, М.ПЛ *t'egəl'* — F.ПЛ *t'og'l'-a* ‘маленькие’, М.ПЛ *t'etʃkər* — F.ПЛ *t'otʃkr-a* ‘маленькие’ (ср. *togli* < *të vogli*, *toçkërë* < *të voçkërë* в говоре с. Мандрицы [Domi, Shuteriqi 1965: 107]). Формы мужского и женского рода ед. ч. этих прилагательных, как и в общеалбанском, совпадают с формой мужского рода мн. ч.:

- (9) *i b'ukur d'al'* <ART.M.NOM.SG красивый.SG.INDF мальчик.SG> ‘красивый мальчик’
a b'ukur tʃ'upə <ART.F.NOM.SG красивый.SG.INDF девочка.SG> ‘красивая девочка’
tə b'ukur dim <ART.PL красивый.PL.INDF мальчик.PL> ‘красивые мальчики’
tə b'ukr-a tʃ'up-a <ART.PL красивый-F.PL.INDF девочка-PL> ‘красивые девочки’

Прилагательные на *-fmə / -fm'i* (10а) демонстрируют тенденцию к утрате общеалбанского морфологического противопоставления основ мужского и женского рода (лит. М.СГ *i mendshëm* ‘умный’, М.ПЛ

të mendshëm ‘умные’ — F.SG *e mendshëm-e* ‘умная’, F.PL *të mendshëm-e* ‘умные’). Форма на *-fëm*, соответствующая алб. лит. форме м. р., сохраняется у некоторых прилагательных и употребляется в контекстах, требующих согласования по мужскому роду, параллельно форме на *-fmə* / *-fm'i* (106)³⁹.

- (10a) *nar'i i v'etəfm'i* <мужчина.SG.INDF ART.M.NOM.SG одинокий>
‘одинокий мужчина’
gr'u-ja a v'etəfm'i <женщина-NOM.SG.DEF ART.F.NOM.SG одинокий>
‘одинокая женщина’
tə m'entəfm'i d'im <ART.PL умный ребенок.PL> ‘умные дети’
tə m'entəfm'i k'artə-ra <ART.PL умный книга-PL> ‘умные книги’;
- (10б) *un j'if-na dy v'ifmə* <Я.NOM быть.IPФ-IPФ.1SG два -летний> ‘мне было два года’
(букв. «я был двухлетним»; говорящий — мужчина)
aj'u l'itə v'ifəm <он.NOM десять -летний> ‘ему десять лет’ (букв. «он десятилетний»)

В отличие от общеалбанского, где нейтральным порядком слов в адъективной ИГ является постпозиция определения по отношению к определяемому слову, а обратный порядок маркирован и служит для смыслового выделения прилагательного [Buchholz, Fiedler 1987: 325–329; Gramatika 2002: 168], в исследуемом говоре адъективное определение чаще занимает позицию перед определяемым существительным (11а, б). Именные группы с постпозицией определения употребляются сравнительно редко (12), об этом см. также: [Islami 1955: 167; Демко 1975: 62; Voronina et al. 1996: 129–130]. Паджными окончаниями в обоих случаях маркируется первый член синтагмы⁴⁰:

³⁹ Исследователями говора ранее были зафиксированы примеры с противопоставлением основ м. р. и ж. р. у прилагательных на *-shëm*: *i sotëshëm* ‘сегодняшний’ — *a(e) sotëshëm-e* (лит. *i sotshëm* — *e sotshëm-e*), *i nesërm* ‘завтрашний’ — *a(e) nesërm-e* (лит. *i nesërm* — *e nesërm-e*) и др. [Voronina et al. 1996: 64].

⁴⁰ Агглютинация постпозитивного артикля (в славистической лингвистической традиции — определенного члена) к первому компоненту именной группы представляет собой балканизм, объединяющий албанский, болгар-

- (11a) *a* *j'ogɫ̪-a* *ftəp'i*
 ART.F.NOM.SG маленький-F.NOM.SG.DEF дом.SG
 'маленький дом'
- лит. *i* *mir-i* *djalë*
 ART.M.NOM.SG хороший-M.NOM.SG.DEF мальчик.SG
 'хороший мальчик'
- (11б) *a* *re* *n'use*
 ART.F.NOM.SG молодой.F.SG.INDF невестка.SG
 'молодая невестка'
- лит. *i* *bukur* *njeri*
 ART.M.NOM.SG красивый.M.SG.INDF человек.SG
 'красивый человек'
- (12) *p'afk-a* *a* *j'ogəɫ̪*
 Пасха-NOM.SG.DEF ART.F.NOM.SG маленький.SG
 'Малая Пасха'⁴¹
- лит. *djal-i* *i* *mirë*
 мальчик-NOM.SG.DEF ART.M.NOM.SG хороший.SG
 'хороший мальчик'

Примечательно, что тенденция к постановке определения в пре-позицию к определяемому слову в говоре проявляется и в структуре ИГ с определением, выраженным существительным в косвенном падеже (13). Менее частотно употребление несогласованного определения в постпозиции, что соответствует единственно возможному порядку слов в ИГ этого типа в общеалбанском (14).

ский, македонский и восточнороманские языки: рум. *ot-ul cel bun / bun-ul ot*, алб. *njeri-u i mirë / i mir-i njeri*, болг. *добри-ят човек* и мак. *добри-от човек* 'хороший человек' [Асенова 1989: 94–95; Русаков 2013: 128].

⁴¹ *Малая Пасха* (название, распространенное в албанских селах Приазовья) — основной поминальный день в православном календарном цикле албанцев Украины, который отмечается на восьмой день после Пасхи [Ермолин 2011: 159]. Подробнее см. раздел данной коллективной монографии: Д.С. Ермолин «Погребально-поминальная обрядность и культура захоронений».

- (13) *a*   *b'abo-s*   *d'itə*   ‘день повитухи’⁴²
 ART.F.NOM.SG   баба-OBL.SG.DEF   день.SG.INDF
- (14) *n'i ftəp'i-tə*   *tə*   *nar'tʷ-ut*   ‘в доме мужа’
 В ДОМ-LOC.SG   ART.LOC.SG   муж-OBL.SG.DEF
- лит. *në shtëpi-në*   *e*   *burr-it*
 В   ДОМ-ACC.SG.DEF   ART.ACC.SG.DEF   муж-GEN/DAT.SG.DEF

Изменение структуры ИГ с согласованным и несогласованным определением характерно также для говора с. Мандрицы в Болгарии: *bárdhë búkë* <белый.SG.INDF хлеб.SG> ‘белый хлеб’, *mál-it çobán-ë* <гора-GEN/DAT.SG.DEF пастух-PL> ‘горные пастухи’ [Sokolova 1983: 60, 67]⁴³.

Перестройку адъективной ИГ в говорах с. Мандрицы и албанцев Украины, по-видимому, следует связывать с болгарским влиянием (нейтральный порядок слов в ИГ этого типа в болгарском языке предполагает препозицию определения). С другой стороны, одной из предпосылок изменения, очевидно, стало наличие сходной, хотя и маркированной, конструкции в системе самого албанского языка [Voronina et al. 1996: 130; Морозова 2013б: 92].

⁴² От болг. *Бабинден* ‘день бабки-повитухи’ — праздник женщин, связанный с чествованием повитухи; распространен у болгар, гагаузов и албанцев Буджака и Приазовья [Дугушина 2016: 53]. Подробнее см. разделы коллективной монографии: А.А. Новик «Бабин день в традиции албанцев Приазовья: на пересечении пространственных и временных координат», А.С. Дугушина «Родинная обрядность албанцев Украины».

⁴³ Для говора с. Мандрицы характерно опущение артикля *i/e* в ИГ с препозицией определения (артикуль *të*, как правило, сохраняется: *të re hústë* ‘новое платье’). По мнению Б. Соколовой, это явление должно было возникнуть после переноса определения в препозицию: *mjëll i bárdhë* > *i bárdë mjëll* > *bárdë mjëll* ‘белая мука’ [Sokolova 1983: 70]. В говоре албанцев Украины артикуль спорадически опускается в ИГ с несогласованным определением: *komshi-ut qen-i* <сосед-OBL.SG.DEF собака-НОМ.SG.DEF> ‘собака соседа’ [Voronina et al. 1996: 132], *b'ate-s d'im-tə* <старший.брат-OBL.SG.DEF ребенок.PL-НОМ.PL.DEF> ‘дети старшего брата’; *b'uł-a 'utʃo-s* <жена.дяди-НОМ.SG.DEF брат.матери-OBL.SG.DEF> ‘жена брата матери’.

Постановка несогласованного определения в препозицию не имеет прямых соответствий в славянских языках и в албанском. Однако можно предположить, что в говорах с. Мандрицы и албанцев Украины эта инновация возникла в результате отождествления албанских ИГ с несогласованным определением и изосемантических славянских конструкций с препозитивными притяжательными прилагательными на *-ов*, *-ев*, *-ин* (болг. *Бабинден* ‘день бабки-повитухи’) и притяжательно-относительными прилагательными типа болг. *кóзи* ‘козий’, *крáви* ‘коровий’ (*кóзе мляко* ‘козье молоко’): *a b'abos d'itā* / *a b'abos d'itā* ‘день бабки-повитухи (досл. «бабий день»)’, *sə kats'ikəs kl'uməftə* ‘козье молоко’. В дальнейшем модель была распространена по аналогии на все ИГ с несогласованным определением [Морозова 2013: 94]. На говор албанцев Украины влияние могли оказать также тюркские (гагаузские) определительные конструкции с притяжательным значением, в которых обладаемое принимает суффикс родительного падежа, а обладатель употребляется с посессивным показателем (так называемый «изафет III»). При нормальном порядке слов «генитивное» обладаемое является первым элементом в такой конструкции: *кыз-ын боба-сы* <девушка-GEN отец-POSS.3SG> ‘отец девушки’ (досл. «девушки отец»; возможен также «перевернутый» изафет: *боба-сы кыз-ын* <отец-POSS.3SG девушка-GEN>) [Покровская 1997: 234], ср. изоструктурную конструкцию *a tʃ'upə-s m'am-u-i* <ART.F.NOM.SG девушка-OBL.SG.DEF мать-NOM.SG.DEF-POSS.3SG> ‘мать девушки’ в говоре албанцев Украины.

1.3. Числительные (*n'i* ‘один’, *dy* / *d'u* ‘два’, *tri* / *tri* ‘три’⁴⁴, *katr* ‘четыре’, *p'esə* ‘пять’, *d'əftə* ‘шесть’, *ft'atə* ‘семь’, *t'etə* ‘восемь’, *n'əntə* / *n'intə* ‘девять’, *d'itə* / *l'itə* ‘десять’, *n'imbd'itə* / *n'imbl'itə* ‘одиннадцать’, *n'iz'et* ‘двадцать’, *n'izeten'i* ‘двадцать один’, *tr'i d'itə* / *tril'itə* ‘тридцать’ и т.д.) не склоняются при употреблении без артикля при счете и в количественной ИГ: *dy vl'azər* <два брат.PL.INDF> ‘два брата’, *dy tʃ'up-a-vet* <два девочка-PL-OBL.PL.DEF> ‘двум девочкам’. Числительные ‘два’ и ‘три’ имеют формы мужского и женского рода, употребляемые с ар-

⁴⁴ Общеалбанское противопоставление основ в формах мужского/среднего и женского рода числительного *tre* (м. р., ср. р.) — *tri* (ж. р.) ‘три’ в говоре утрачено.

тиклем в количественной ИГ: *tə tri vl'azər* <ART.PL три.М.PL.INDF брат. PL.INDF> '(все) три брата', *tə tr'i-ja tʃ'up-a* <ART.PL три-Ф.PL.INDF девочка-PL.INDF> '(все) три девочки'. Числительные первого десятка, а также числительные *k'i'ind* 'сто', *m'i'il* 'тысяча' употребляются субстантивно во мн. ч. и склоняются, соответственно, по субстантивному типу: *tə dy / d'u*, *-tə* 'оба, обе', *tə tri*, *-tə* 'трое, три'; *k'i'indra*, *-t* 'сотни', *m'i'il'ra*, *-t* 'тысячи'. Числительное *n'er'i* 'один (из)' — *n'era* 'одна (из)', употребляемое в функции препозитивного определения, подлежащего и дополнения, также склоняется по субстантивному типу. Порядковые числительные (*i p'arə* — *a p'ara* 'первый — первая', *i d'ujtə / i d'ujtə* — *a d'ujtə / a d'ujtə* 'второй — вторая', *i tr'etə* 'третий' — *a tr'etə* 'третья' и т.д.) изменяются так же, как артиклевые прилагательные.

1.4. Местоимения образуют неоднородный класс слов с различными морфосинтаксическими свойствами и семантикой.

Личные местоимения, как и в общеалбанском, имеют классифицирующие признаки лица и числа (в 3 л. ед. ч. — также род) и изменяются по падежам. Наряду с полными выделяются краткие местоименные формы (приведены в таблице через запятую), которые используются при удвоении прямого или косвенного беспредложного дополнения либо вместо соответствующих полных форм:

	'я'	'мы'	'ты'	'вы'	'он'	'она'	'они'
НОМ	<i>'un(ə)</i>	<i>na</i>	<i>tī</i>	<i>ju</i>	<i>aj'u / a'y</i>	<i>aj'o</i>	<i>at'o</i>
АСС	<i>mi, tə</i>	<i>n'evə, na</i>	<i>ty, tə</i>	<i>j'uve, u</i>	<i>at'i, a</i>	<i>at'i, a</i>	<i>at'o, i</i>
ОВЛ	<i>mi, tə</i>	<i>n'evə, na</i>	<i>ty, tə</i>	<i>j'uve, u</i>	<i>as'ijt, i</i>	<i>as'ajt, i</i>	<i>at'yre, u (i)</i> ⁴⁵

⁴⁵ Общеалбанская косвеннообъектная («дательная») форма клитики 3 л. мн. ч. *u* в говоре демонстрирует тенденцию к утрате и замещению формой *i*. Таким образом, формальное различие прямого и косвенного объекта в системе кратких местоименных форм последовательно сохраняется только в 3 л. ед. ч. В говоре с. Мандрицы косвенное дополнение во мн. ч. регулярно дублируется клитикой *i* (вместо общеалб. *u*). Б. Соколова полагает, что это явление может быть результатом действия тенденции к устранению противопоставления сингулярной и плюральной форм краткого косвеннообъектного местоимения: *i tsa* 'сказал ему' (лит. *i tha*) / 'сказал им' (лит. *u tha*) [Sokolova 1983: 82].

Система **притяжательных местоимений** в целом сходна с общеалбанской:

	‘мой’	‘наш’	‘твой’	‘ваш’	‘его’	‘ее’	‘их’
M.SG	(j)i m, -m ⁱ i	j'u nə, -n ⁱ i	j'ind ə, -i	j'uj ə, -i	(j)as'ij, -i	(j)as'aj, -i	(j)at'yr ə, -i
F.SG	(j)'i me, -m ⁽ⁱ⁾ a	j'on ə, -a	j'in də, -d ⁽ⁱ⁾ a	j'uj ə, -a	(j)as'ij, -a	(j)as'aj, -a	(j)at'yr ə, -a
N.SG	формы ср. р. не зафиксированы					tas'ajtə	tat'yr ⁱ it
M.PL	t'im ⁱ it /		t'indət /				
F.PL	t'im ⁱ at /	t'antə	t'indət /	t'ujtə	tas'ijtə	tas'ajtə	tat'yr ⁱ it
	t'im ⁽ⁱ⁾ at		t'indət				

Местоимения 3-го лица ед. ч. *as'ij* ‘его’ и *as'aj* ‘ее’, употребляемые при обладаемом мужского и женского рода, образованы слиянием общеалбанских притяжательных местоимений *tij* ‘его’ и *saj* ‘ее’, употребляемых с артиклем, с формой номинатива ед. ч. женского рода артикля *a* (ср. лит. *i tij* ‘его’, *i saj* ‘ее’ с обладаемым м. р. и *e tij* ‘его’, *e saj* ‘ее’ с обладаемым ж. р.). Для мужского и женского рода местоимения ‘твой — твоя’ (лит. *yt* — *jote*) обобщена диалектная форма ж. р. *j'ində* — ср. *jənde* (Девол), *tənde / tande* (Гора, Колёня, говоры Корчи, Виткукя, Берата и Гирокастры), *jote* в других тосских говорах [ADGjSh 2007: 296]. Прежде в идиоме с Жовтневого сохранялась также форма м. р. *jut* ‘твой’, соответствующая лит. *yt* [Демко 1975: 64] (в Приазовье она, по-видимому, довольно рано была утрачена, согласуя [СПбФ АРАН: Державин 1948: 211]) — ср. *jənt* (Девол), *tənd / tənt / tant*⁴⁶ (Гора, Колёня, говоры Корчи, Виткукя, Берата и Гирокастры), *yt* в других тосских говорах [ADGjSh 2007: 300].

Согласованное определение, выраженное притяжательным местоимением, чаще всего стоит в препозиции к определяемому слову: *j'imⁱ-i b'ir* <мой-м.НОМ.СГ.ДЕФ сын.СГ> ‘мой сын’, *j'ind-a p'unə* <твой-

⁴⁶ Формы номинатива *tənd / tənt / tant* ‘твой’, *tənde / tande* ‘твоя’ образованы слиянием с артиклем *të* по аналогии с формами косвенных падежей (ср. лит. *tënd* <твой.ГЕН/ДАТ/АСС/АВЛ.СГ>). Ср. с говором с. Мандрицы: *tim gjaksi* ‘моя грудь’, *timja a mëtë* ‘моя мать’ [Domi, Shuteriqi 1965: 109].

F.NOM.SG.DEF работа.SG> ‘твоя работа’, *as'ij-a gru* <его-F.NOM.SG.DEF жена.SG> ‘его жена’, *tas'ajtə kl'uməftə* <ее.N.SG.INDF молоко.SG> ‘ее молоко’, *j'un'i-i mfat* <наш-М.NOM.SG.DEF село.SG> ‘наше село’, *ga j'ona b'esə* ‘из наших людей’ (*b'esə* — досл. «нация», «народ», согласно комментарии информанта экспедиции И.Ф. Пиперко, 1939 г.р. [Морозова: ПМА 2009: Пиперко]; ср. лит. *bes|ë, -a* ‘клятва; доверие; (разг.) вера’ [FShS 2002: 103] и диал. *tontë besë* в значении ‘наша вера; наши люди’ в говоре албанцев Мандрицы [Shuteriqi 1965b: 155]), *t'antə b'otə* <наш.NOM.INDF человек.PL> ‘наши люди’, *ga tat'yr'it kam'arə* <из их.NOM.PL.DEF окно.PL> ‘из их окон’. Реже встречаются примеры с постпозицией определения: *gr'u-ja 'im-e* <жена-NOM.SG.DEF мой-F.SG> ‘моя жена’, *d'ed-u j'unə* <дед-NOM.SG.DEF наш.М.SG> ‘наш дед’⁴⁷.

Термины родства в говоре албанцев Украины могут сочетаться с притяжательными местоимениями, а также употребляться в составе особых посессивных конструкций двух типов. Для терминологии албанского происхождения сохраняется собственно албанская притяжательная конструкция с препозитивным артиклем. Как и в общеалбанском, ее использование ограничено несколькими лексемами, обозначающими близких родственников: *i vl'a^(w)u* ‘его / ее брат’, *a m'otra* ‘его / ее сестра’, *i b'iri* ‘его / ее сын’ а также не зафиксированные в современном употреблении *eimə / e tēmə* ‘его / ее мать’, *ijati* ‘его / ее отец’ (цит. по материалам Н.С. Державина) [СПбФ АРАН: Державин 1948: 25, 321]. Ср. лит. *i ati* ‘его / ее отец’, *e ëma* ‘его / ее мать’, *i vëllai* ‘его / ее брат’, *i biri* ‘его / ее сын’, *e motra* ‘его / ее сестра’ и др.

В функции показателей притяжательности при заимствованных славянских терминах родства в говоре выступают заимствованные из болгарского краткие дативные формы личных местоимений *ti* (болг. *ти* ‘тебе’), *i* (болг. *и* ‘ей’): *m'am-ti* <мать-POSS.2SG> ‘твоя мать’ (ср. болг. *татко ми* <отец.SG CLIT.1SG.DAT> ‘мой отец’⁴⁸). В говоре

⁴⁷ В албанском языке определение, выраженное притяжательным местоимением, при нейтральном порядке слов находится в постпозиции к определяемому слову. Исключением являются термины родства, допускающие также препозицию местоименного определения: лит. *shok-u yt* <друг-NOM.SG.DEF твой.М.SG> ‘твой друг’, *im vëlla* <мой.М.SG.INDF брат.SG> ‘мой брат’ [Gramatika 2002: 240].

⁴⁸ Одним из типов посессивного атрибута в болгарском языке является энклитическая форма дательного падежа личного местоимения (традиционно

Мандрицы заимствованные местоимения *hi* (болг. *и* 'ей'), *ti* (болг. *ти* 'тебе') сочетаются не только с заимствованными, но и с исконными терминами родства: *hima-hi* 'его / ее мать', *tat-hi* 'его / ее отец' [Domí, Shuteriqi 1965: 116]; *mótra-hi* 'его / ее сестра', *mém-ti* 'твоя мать' [Sokolova 1983: 105]. При склонении существительного они присоединяются непосредственно к основе: *mém-ti-së* <мать-POSS.2SG-DAT.SG.DEF> 'твоей матери' [Sokolova 1983: 108]. В говоре албанцев Украины аналогичные показатели притяжательности всегда располагаются после окончания:

(15a) *ma m'amo-n-ti* <с мать-ACC.SG.DEF-POSS.2SG> 'с твоей матерью'

(15б) *t'ate-s-ə le m'amo-s-ə d'alj* <отец-OBL.SG.DEF-POSS.3SG и мать-OBL.SG.DEF-POSS.3SG мальчик.SG> 'мальчик (сын) отца и матери'

(15в) *a d'i-jt-a as'ij-nə t'ate-n'i* <CLIT.3SG.ACC знать-AOR-AOR.1SG его-ACC.SG.DEF отец-ACC.SG.DEF-POSS.3SG>
'Я знал его отца.'

Возвратное местоимение 'себя' не различает лица и числа, форма номинатива не зафиксирована: ACC *vat'inə* / *vat'inə* (*aj'u r'ay-o vat'i-nə* <он.NOM бить-AOR.3SG REFL-ACC.SG.DEF> 'он ударил себя'), OBL *vat'i'wut* / *vat'i'wut* (*aj'o a l'a paz vat'i'w-ut* <она.NOM CLIT.3SG.ACC оставлять.AOR.3SG после REFL-OBL.SG.DEF> 'она это оставила после себя'), LOC *vat'itə* / *vat'itə* (*aj'u zalay'it v'etə ma vat'i-tə* <он.NOM говорить.PRS.3SG сам.NOM с REFL-LOC.SG> 'он говорит сам с собой'). Аналогичные формы характерны для говора с. Мандрицы (НОМ —, ACC *vetinë*, GEN *vetiut*, DAT *vetiut*), интересной особенностью которого является дублирование возвратного местоимения дативной клитикой *si*, заимствованной из болгарского: *ay pa veti-ut-si djalë* <он видеть.AOR.3SG REFL-GEN/DAT.SG.DEF-POSS.REFL мальчик.SG.INDF> 'он увидел своего сына' [Sokolova 1983: 84].

рассматриваемая как «краткая форма притяжательного местоимения»): болг. *májka mi* <мать.SG CLIT.1SG.DAT> 'моя мать' *бацá му* <отец.SG CLIT.3SG.M.DAT> 'его отец', *земя-та ни* <земля-SG.DEF CLIT.1PL.DAT> 'наша земля', *книги-те им* <книга.PL-PL.DEF CLIT.3PL.DAT> 'их книги' [Маслов 2005: 80]. Согласно И.И. Ворониной и Л.В. Шараповой, в говор албанцев Украины заимствованы местоимения *ти*, *си* [Воронина, Шарапова 1997: 8].

Косвенно-падежная артиклевая форма возвратного местоимения *i/a vat'ɨ^wut* употребляется в говоре албанцев Украины в составе ИГ в значении 'свой' в качестве определения, обычно стоящего в препозиции к определяемому слову. Местоимение *i/a vat'ɨ^wut* изофункционально славянским и албанским возвратно-притяжательным местоимениям со значением 'свой' (рус. и болг. *свой*, срб.-хрв. и макед. *свој*; алб. лит. и диал. (гег.) *i/e vet*⁴⁹) и может указывать на принадлежность предмета, обозначенного определяемым существительным, любому действующему лицу (1-му, 2-му или 3-му):

- (16) *un tri γ'erə 'if-nə zovtn'evoe*
 я.НОМ три раз.PL быть.IPF-IPF.1SG Жовтневое.SG.INDF
ma tə vat'ɨ^w-ut maʃinə.
 с ART.ACC.SG REFL-OBL.SG.DEF машина.SG.INDF
 'Я три раза был в Жовтневом на своей машине (досл. «со своей машиной»).'
- (17) *aj'o i la sə vat'ɨ^w-ut m'otər-sə* <она.НОМ CLIT.3SG.OBL
 давать.AOR.3SG ART.F.OBL.SG REFL-OBL.SG.DEF сестра-OBL.SG.DEF>
 'она отдала своей сестре'

Лексикализованная косвенно-падежная форма с артиклем употребляется как апеллятив: *i vat'ɨ^wut* 'свой, родственник', *a vat'ɨ^wut* 'своя, родственница', *tə vat'ɨ^wut* 'свои, родственники' (*t'antə tə vat'ɨ^wut* 'наши родственники') [Руднева 2012: 354]. На род и число называемого объекта при этом указывает только препозитивный артикль — в отличие от собственно албанского (гегского по происхождению) возвратно-притяжательного местоимения *i / e vet*, которое при употреблении в аналогичных контекстах изменяется как субстантивированное прилагательное: *i vet-i* — *të vet-ë-t* (м. р.) / *e vet-a* — *të vet-a-t* (ж. р.),

⁴⁹ Наличие местоимения *i / e vet* в гегском и его отсутствие в тосском представляют важную грамматическую изоглоссу, определяющую границу между двумя основными албанскими диалектными ареалами [Русаков 2013: 147–148].

например *Nusja shkoi te të vetët* 'Невеста пошла к своим' [Buchholz, Fiedler 1987: 292].

Указательные местоимения *kju / ky — kjo — kət'a — kət'o* 'этот — эта — это — эти', *aj'u / a'y aj'o at'a at'o* 'тот — та — то — те' употребляются в функции препозитивного определения или субстантивно, имеют категории рода, числа и падежа. Местоимения *i kt'iļ / i kt'iļ a kt'iļ'a / a kt'iļ'a* 'такой — такая', *(j)at'iļ / (j)at'iļ — (j)at'iļ'a / (j)at'iļ'a* 'такой — такая' ведут себя как артиклевые прилагательные. В ряду архаических особенностей местоименной системы говора албанцев Украины исследователи отмечают сохранение указательных местоимений среднего рода *kət'a* 'это', *at'a* 'то' [Котова 1956: 257; Haebler 1959: 88; Voronina et al. 1996: 75; Морозова 2013б: 68]: *un pər kət'a nok d'i* 'я об этом не знаю'. Инновацией говора является обобщение формы женского рода личного и указательного местоимения 3 лица мн. ч. *at'o* 'они, те': *un i them as'ijt b'atə V'an'u l'i b'atə K'o'l'u... a jes'l'i at'o mə t'e'f'kər, zn'at'f'it, un i them at'yrə n'i j'embərtə* 'я ему говорю «батэ Ваню» или «батэ Колю»... а если они младше, значит, я им говорю по имени'. Аналогичным образом нейтрализовано противопоставление по роду албанских указательных местоимений мн. ч. *kəta, kəto* 'эти': *kət'o d'im* 'эти мальчики', *kət'o t'f'upa* 'эти девочки' (лит. *kėta djem, kėto vajza*).

Разряд **вопросительно-относительных** местоимений неоднороден по морфосинтаксическим свойствам входящих в него единиц. Субстантивно (в функции подлежащего, дополнения, в сочетании с предлогом) употребляются несклоняемое *t'i* 'что' и склоняемое *kuf* 'кто'. В функции определения выступают несклоняемое *t'id'o* 'каждый, любой' и склоняемые *t'i'li — t'i'li'a* 'какой, который — какая, которая', *i k'uji a k'uja* 'чей — чья', *i k'yfmi / i t'ufmi a k'yfma / a t'ufma* 'какой — какая' (как и прилагательные, местоимения 'какой, который', 'чей', 'какой' могут употребляться субстантивно). В функции обстоятельства выступают неизменяемые местоимения *ku* 'куда', *se* 'почему', *sa* 'сколько', *t'uf* 'как'.

Неизменяемое **выделительное местоимение** *v'etə* 'сам, -а, -и' употребляется для усиления главного слова (*'unə v'etə nok di* 'я сам не знаю') либо самостоятельно (*zalay'it v'etə ma vat'itə* 'говорю, -ишь, -ит сам с собой').

Взаимно-возвратное местоимение (*ner*) *narəjatər* 'друг друга', **неопределенные местоимения** *dik'uf* 'кто-то', *dand'is'en* 'что-то',

g'is'en / d'is'en ‘что-то’⁵⁰, *don'er'i / don'erə — don'era* ‘кто-то (М) — кто-то (F)’ и **отрицательные местоимения** *ask'uf* ‘никто’, *as'en* ‘ничто’, *asn'er'i / asn'erə — asn'era* ‘никто (М) — никто (F)’ употребляются субстантивно и имеют категорию падежа. Неизменяемое отрицательное местоимение *asn'i* может употребляться субстантивно (в значении ‘никто’), либо в функции определения, стоящего в препозиции к определяемому слову (в значении ‘ни один’). Неизменяемое местоимение *azdik'un / azdik'un* ‘никуда, нигде’ выступает в роли обстоятельства.

Определительные местоимения *tʃil'id'o — tʃil'ad'o* ‘каждый — каждая’, *j'atər j'atra* ‘другой — другая’, *i d'iθ / i g'iθ a d'il|ə, -a / a g'il|ə, -a* ‘весь — вся’, *i tər, -(i)i / i t'ir, -i — a t'ər|ə, -a / a t'ir|ə, -a* ‘весь — вся’ употребляются в функции препозитивного определения (*i d'il-i mʃat* <ART.M.NOM.SG весь-М.NOM.SG.DEF село.SG> ‘все село’)⁵¹ и могут субстантивироваться (*aj'u yar'o-jt-ə tə d'iftə* <ОН.НОМ забывать-AOR-AOR.3SG ART.N.SG всё.ACC.SG.DEF> ‘он забыл всё’).

2. Глагол и глагольные категории

В глагольной системе говора албанцев Украины, с одной стороны, сохраняются архаичные морфологические признаки, присущие севернотоскской диалектной зоне и островным тоскским говорам на территориях Италии, Болгарии и Греции, а с другой — появляется ряд инноваций, многие из которых связаны с иноязычным влиянием [Жугра, Шарاپова 1998: 129]. Финитные формы глагола характеризуются следующими категориями: лицо (1-е, 2-е, 3-е), число (единственное, множественное), время (презенс, имперфект, аорист, перфект, будущее время), наклонение (индикатив, конъюнктив, императив, адмиратив), залог (активный, неактивный⁵²). Модальные значения

⁵⁰ Ср. также новообразования с русской частицей *-to*: *kuf-to* ‘кто-то’, *tʃi-to* ‘что-то’, *i k'yfni-to* ‘какой-то’.

⁵¹ Местоимения *i d'iθ / i g'iθ, i tər / i t'ir* ‘весь’ могут употребляться как с артиклем, так и без него: *g'i nate-n* <весь ночь-ACC.SG.DEF> ‘всю ночь’ (аналогичная неизменяемая форма *g'i* ‘весь’ зафиксирована в говоре албанцев Задара) [Haebler 1959: 97], *d'i d'itə-n* <весь день-ACC.SG.DEF> ‘весь день’.

⁵² Показатели албанских залоговых форм, противопоставленных формам активного залога, выражают широкий спектр значений: пассивное, рефлексив-

желания, возможности, необходимости, долженствования выражаются глаголами *du* ‘хотеть’, *min* ‘мочь’ (неизм.), *d'uxet* / *d'uget* ‘быть должным, иметь необходимость’ (неизм.) в сочетании с конъюнктивом. Отрицание при глаголе выражается частицами *nok* / *nog* ‘не’ с временами индикатива и адмиратива, *mos* / *moz* ‘не’ с императивом и конъюнктивом.

Говор сохраняет общеалбанские типы спряжения глаголов, обнаруживая некоторые диалектные отличия. С точки зрения устройства парадигм презенса индикатива выделяются три основных словоизменительных типа глаголов⁵³:

1) многочисленные глаголы с основной презенса на согласный: собственно албанские лексемы *xap* / *γap* ‘открывать’, *mbyl* / *mb'ul* ‘закрывать’, *mv'il* ‘сбирать урожай’, *p'ik* ‘печь’, *dal'* ‘выходить’, *n'ox* ‘знать’ (лит. *hap*, *mbyll*, *vjel*, *pjek*, *dal*, *njoh*) и др.; старые общеалбанские и поздние узколокальные заимствования *pat'is* ‘поить’, *tʃud'it-em* / *tʃud'it-em* ‘удивлять, -ся’ (лит. *potis*, *çudit-em*), *zalex'it* / *zalex'it* ‘говорить’ (ср. *zallahin* / *xallahin* в том же значении в говоре с. Мандрицы [Shuteriqi 1965b: 169; Sokolova 1983: 126] и лит. *zallahi*, *zallamahi* ‘суета, суматоха’ — от греч. *σάλαγο* ‘шум, гомон’), *darald'is-em* / *darald'is-em* ‘сердиться, -ся’ (от гагауз. *дарылмаа* ‘ругать, сердиться’) и др. Большая часть глаголов этого типа имеет совпадающие формы 1-го, 2-го и 3-го лица

ное, реципрокальное, имперсональное, автокаузативное и др. В грамматиках албанского языка и в Албанском национальном корпусе (http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/?interface_language=ru) для обозначения этих форм используется термин «неактивный залог» (англ. *non-active voice*, нем. *Nichtaktiv*, алб. *diateza joveprore*) [Newmark et al. 1982; Buchholz, Fielder 1987; Gramatika 2002; Morozova, Rusakov 2015: 303].

⁵³ В рамках каждого из типов спряжения (глагольных классов) в албанских грамматиках выделяются подтипы, которые различаются способом образования основы аориста. Аористная основа может совпадать с презентной, образовываться от нее путем добавления суффиксов *-jt-* или *-r-*, с помощью чередования гласных и/или согласных либо путем сокращения основы презенса. Некоторые глаголы образуют презент и аорист от разных основ, например, *prs.1sg shoh* ‘вижу’ — *aor.1sg pashë* ‘я видел(-а)’. См. детальную классификацию глаголов албанского языка в грамматике О. Бухольц и В. Фидлера [Buchholz, Fiedler 1987]. О глагольных классах в говоре албанцев Украины см.: [Морозова 2012].

ед. ч. презенса с нулевым окончанием: 1/2/3SG *xar* / *yar* 'открываю, -ешь, -ет', *zalex'it* / *zalax'it* 'говорю, -ишь, -ит'. У некоторых собственно албанских глаголов форма 1-го лица ед. ч. презенса противопоставлена форме 2–3-го лица. Это общеалбанское противопоставление выражается чередованием гласных в глагольной основе: 1SG *dal* 'выхожу'; 2/3SG *del* 'выходишь, -ит' (лит. 1SG *dal*, 2/3SG *del*);

2) собственно албанские глаголы с основой на гласный, присоединяющие окончание *-n* в ед. ч. презенса индикатива (старый тип спряжения на **-njo*, который остается единственным продуктивным типом в современном албанском языке): *pən'on* 'работать', *škon* 'идти; ходить', *xar'on* / *yar'on* 'забывать', *fan* 'ругать', *mban* 'держать', *bən* / *bun* 'делать', *duft'en* 'рассказывать', *pəl'i'en* / *pəl'k'en* 'нравиться', *mfin* 'подметать, вытирать', *škrun* 'писать', *zin* / *zin* 'кипеть; варить, готовить (еду)', *lyn* / *lyn* 'мазать' (лит. *punoj*, *shkoj*, *harroj*, *shaj*, *mbaj*, *běj*, *děftoj*, *pělqej*, *fshij*, *shkruaj*, *ziej*, *lyej*) и некоторые другие. Аналогичным образом в презенсе спрягаются общеалбанские глаголы *j'ikən* 'уходить' и *j'etsən* 'идти' (лит. *iki*, *eci*);

3) малочисленные собственно албанские глаголы с односложной основой на гласный, которые не присоединяют личных окончаний в ед. ч. презенса: *xa* / *ya* 'есть', *pi* 'пить', *bļe* 'покупать', *fļe* 'спать', *ngri* 'поднимать', *ri* / *ri* 'сидеть', *d'i* / *d'i* 'знать', *zə* / *zi* 'хватать; начинать' (лит. *ha*, *pi*, *blej*, *fle*, *ngre*, *rri*, *di*, *zē*). В говоре к этому типу относятся также глаголы *ļa* 'мыть' и *kl'a* 'плакать', которые исторически являются глаголами на **-njo*: 1/2/3SG *ļa* 'мою, -ешь, -ет', *kl'a* 'плачу, -ешь, -ет' (лит. 1SG *laj*, *qaj*; 2/3SG *lan*, *qan*).

Как и в общеалбанском, особый тип словоизменения в говоре имеют глаголы *jam* 'быть', *kam* 'иметь' и *them* 'говорить' (лит. *jam*, *kam*, *them*), которые представляют собой остатки старого индоевропейского типа спряжения на **-mi* [Demiraj 1988: 740]. Примеры парадигм глаголов, относящихся к разным словоизменительным типам, приведены в приложении к настоящему очерку.

Вышеприведенные примеры показывают, что дольше остальных продуктивным в говоре албанцев Украины оставался тип на согласный с совпадением основы 1-го, 2-го и 3-го лица ед. ч. презенса (*xar* / *yar* 'открывать'). В разные периоды существования говора этот глагольный класс пополнялся заимствованными славянскими и тюркскими лексемами. Некоторые глаголы славянского происхождения,

очевидно, были заимствованы еще в домиграционный период в результате ранних контактов со славяноязычным населением Южной Албании. К их числу относятся как общеалбанские лексемы, так и севернотоскские диалектизмы. Как правило, такие глаголы заимствовались в албанский язык в форме славянского инфинитива, становившегося основой для образования форм внутри албанской парадигмы спряжения [Десницкая 1987: 261–262]. Например, *tʃudʹit-em* / *tʃudʹit-em* ‘удивлять, -ся’ — ср. лит. *čuditem* (в албанских диалектах происходит от болг. и макед. *чудим се* либо от срб.-хрв. *čūditi se*); *tʃepkʹat* ‘чесать (шерсть)’ — ср. алб. диал. (Корча, Поградец) *çepkas* ‘трепать (лен, коноплю), чесать (шерсть)’, 2 и 3 л. ед. ч. *çepkat* (от болг. и макед. *чепкам*) [Десницкая 1987: 261; Çabej 1987: 107; Ylli 1997: 53]; *tʃukʹit* ‘стучать, ударять’ — ср. алб. диал. (Пермет) *çukit*, (Берат) *çukas* ‘стучать клювом’, (Девол) *çikat* ‘стучать (головой о стену); ударять яйцом о яйцо’ (от болг. и макед. *чүкам*) [Хаџка 1958: 203; Çabej 1987: 137]; *dremʹit* / *dramʹit* ‘дремать, спать; засыпать’ — ср. алб. диал. (общетоск.) *dremis*, *dërmis* ‘дремать’, 2 и 3 л. ед. ч. *dremit*, *dërmit* (от болг. *дрéмя*, макед. *дрéмам*) [Çabej 1987: 227; Ylli 1997: 66] и др.

Эта модель продолжала использоваться в говоре албанцев Украины в первые столетия его существования в отрыве от «материнского» ареала для адаптации заимствований из болгарского языка, которые не обнаруживают прямых соответствий среди известных общеалбанских и узколокальных славизмов: *smərtʃʹit* ‘сопеть носом, храпеть’ (болг. *смърчам* ‘сморкаться’, *подсмърчам* в диалектах в значении ‘сморкаться, шумно и сильно вдыхать через нос, всхлипывать’), *dufʃʹit* ‘посапывать’ (болг. *дѣхчем* ‘часто дышать’ [БЕР 1971: 467]), *brindʒʹit* / *brintʃʹit* ‘жужжать’ (болг. диал. *брѣжди* ‘шуметь’ [БЕР 1971: 83]) и др.

К словоизменительному типу на согласный в говоре относятся также тюркские заимствованные глаголы с суффиксом *-dʹis* (*-tis*) / *-dis* (*-tis*): *kazandʹis* / *kazandʹis* ‘зарабатывать’⁵⁴. Этот суффикс представлен в разных балканских языках, в том числе в албанском (*-is*, *-dis* / *-tis*), и, как правило, используется в оформлении глаголов, заимствованных из османского турецкого: алб. *bezdis* ‘досаждать’, болг.

⁵⁴ В говоре албанцев Украины данный глагол может представлять собой как общебалканский и южноалбанский турцизм, так и позднее заимствование из болгарского или гагаузского языка.

бездѹсвам (тур. *beztek* ‘испытывать скуку, разочаровываться’); алб. диал. (Гирокастра) *kazandis* ‘получать, зарабатывать’, греч. *καζαντίζω*, арум. *çazănsescu*, болг. устар. и диал. *казандѹсвам*, *казандѹсам*, срб.-хрв. *kazānisati* (тур. *kazanmak* ‘получать доход, выигрывать’) и др. Суффикс, предположительно, возник на греческой почве и представляет собой результат слияния греческого форманта *-ισα*, *-ισες* (суффикс аориста глаголов на *-ίζω*) с элементом тюркского претеритального суффикса *t / d* (тур. *beğen-d-im*, *beğen-d-in* от *beğen-mek* ‘одобрять, любить; подбирать’) [Boretzky 1975: 248]. Большинство глаголов с суффиксом *-d'is / -dis* (*-t'is / -tis*), зафиксированных в говоре албанцев Украины, не имеет общераспространенных и диалектных албанских и болгарских соответствий: *karfland'is-em / karfland'is-em* ‘встречать, -ся’ (гагауз. *каршыланмаа* ‘быть встреченным’), *d'abard'is / d'abard'is* ‘издыхать’ (гагауз. *гебермӓӓ* ‘околевать, издыхать’), *darald'is / darald'is* ‘сердить’ — *darald'isem / darald'isem* ‘сердиться’ (гагауз. *дарылмаа* ‘ругать, сердиться’), алб. приаз. *kapad'is* ‘накрывать (крышкой)’ (гагауз. *капамаа* ‘закрывать’), алб. приаз. *kaplad'is* ‘обнимать’ (гагауз. *капламаа* ‘покрывать; обнимать’; ср. алб. диал. (тоск.) *kaplladis* ‘окружать, охватывать’ от тур. *kaplamak* ‘покрывать; обивать; (разг.) охватывать’), алб. буджак. *anna#'is* ‘рассказывать’ (гагауз. *аннатмаа* ‘рассказывать; объяснять’), алб. буджак. *kəzdərd'is* ‘подогревать’ (гагауз. *кыздырмаа* ‘подогревать; накалять’), алб. буджак. *su#'ett'is* ‘заставлять говорить’ — *su#'ett'isem* ‘начинать говорить’ (гагауз. *сӓлетмӓӓ* ‘заставить (велеть, позволить, дать) говорить (рассказывать)’; обозначает комплекс обрядовых действий на свадьбе, которые производит кума, «заставляя» невесту заговорить в доме жениха). Эти лексемы могли быть заимствованы в говор в ситуации гагаузско-болгарско-албанского многоязычия, которая сложилась в Каракурте / Жовтневом после переселения балканских колонистов на территорию Буджака либо существовала в том районе Северо-Восточной Болгарии, откуда происходят предки албанцев Украины.

Источником глагольных заимствований в современном говоре является русский язык. Для их адаптации используется инновационная аналитическая модель «изменяемая форма глагола *bən / bun* ‘делать’ + русский инфинитив»: *bë-r-a noçevat* <делать-AOR-AOR.1SG ночевать> ‘я ночевал(-а)’, *u bë-shi rass'erditsa* <INACT делать-INACT.AOR.3SG рассердиться> ‘он(а) рассердился(-лась)’ [Демко 1975: 67]; *un b'u-r-a*

sluz'itʃ <я.НОМ делать-АОР-АОР.1SG служить> 'я служил', *aj'o bu-n l'iɬʃ'iɬ* <она.НОМ делать-PRS.3SG лечить> 'она лечит'.

2.1. Категория времени. Времена индикатива. В результате постепенной редукции, происходившей на протяжении прошлого века и выраженной в снижении частотности отдельных временных форм вплоть до полного их исчезновения, система времен индикатива активного залога в говоре албанцев Украины на современном этапе включает презенс, аорист, имперфект, практически утраченный перфект (только компетентные информанты спорадически употребляют формы перфекта либо знают их пассивно) и будущее время.

2.1.1. Презенс. В презенсе индикатива глаголы на **-njo* имеют окончание *-n* во всех трех лицах единственного числа: PRS.1/2/3SG *pən'on* 'работаю, -ешь, -ет', *bən / bun* 'делаю, -ешь, -ет' (лит. PRS.1SG *ripnoj, bėj*; PRS.2SG *ripnon, bėn*; PRS.3SG *ripnon, bėn*). Окончание *-n* в 1-м лице ед. ч., с одной стороны, можно рассматривать как результат депалатализации конечного *-nj > -n* [Сытов 1975: 138–139]. С другой стороны, эта черта может быть интерпретирована и как инновация, возникшая при «аналогическом выравнивании» парадигм ед. ч. презенса глаголов данного типа [Жугра, Шарапова 1998: 136], по аналогии с большинством глаголов с основой на согласный (*mbyl / mbʲul* 'закрываю, -ешь, -ет') и глаголами на гласный (*xa / ɣa* 'ем, ешь, ест').

В формах 1-го и 3-го лица мн. ч. глаголов на **-njo* сохраняется старый суффикс основы *-n-*: PRS.1PL *skr'u-n-əm* 'пишем', *b'ə-n-əm / b'u-n-əm* 'делаем' (лит. *shkruajmė, bėjmə*); PRS.3PL *skr'u-n-nə* 'пишут', *b'ə-n-nə / b'u-n-nə* 'делают' (лит. *shkruajnė, bėjnė*) и т.д. Глаголы на согласный сохраняют в указанных формах окончания *-əm < -ėmė* и *-ən < -ėnė*: PRS.1PL *x'ap-əm / ɣ'ap-əm* 'открываем' (лит. *hapim*); PRS.3PL *x'ap-ən / ɣ'ap-ən* 'открывают' (лит. *hapin*). Аналогичная особенность характерна для говоров Чамерии, Ляберии, Косово, некоторых албаноязычных поселений Италии и периферии Северо-Восточной Тоскеры (Девол) [ADGjSh 2007: 329–333]; более архаичные варианты окончаний отмечены в говоре Мандрицы: *hap-mė, hap-nė* [Sokolova 1983: 112–114].

2.1.2. Претериты. Процесс упрощения системы албанских претеритов в говоре албанцев Украины затронул в первую очередь

аналитические формы. Перфект и плюсквамперфект индикатива во второй половине XX в. встречались преимущественно в речи представителей старшего поколения и были довольно редки [Демко 1971: 66]. Отмечено употребление перфекта с опущением вспомогательного глагола: *unë gostitur* <я.НОМ угощать.РТСП> ‘я угостил’, *ti gostitur* <ты.НОМ угощать.РТСП> ‘ты угостил’ [Voronina et al. 1996: 92]. В современном говоре плюсквамперфект отсутствует полностью. Что касается перфекта, по нашим наблюдениям, компетентные информанты спорадически употребляют перфектные формы некоторых глаголов (*kam par* ‘я видел(-а)’) либо знают их пассивно и могут высказывать суждения об их функциях, основываясь на собственной языковой интуиции⁵⁵. Формы перфекта имеют не результативное, а скорее экспериенциальное значение, без указания на конкретный результат в настоящем (18). Перфектные формы могут также замещать плюсквамперфект в значении давнопрошедшего времени в сочетании с адвербиальными маркерами наподобие *k'im'ot'i / #im'otə* (лит. *qëmoti*) ‘давно’ (19).

- (18) *'unə*   *ʃ'umə*   *ɣ'erə*
 я.НОМ   много   раз.PL
ka-m   *nd'yərə*   *ʃtəp'i-nə*.
 иметь-PRS.1SG   красить.РТСП   дом-ACC.SG.DEF
 ‘Я много раз красил дом.’
- (19) *'un*   *#im'otə*   *nok*   *a*
 я.НОМ   давно   NEG   3SG.ACC
ka-m   *par*   *t'ində-n*   *b'ir*.
 иметь-PRS.1SG   видеть.РТСП   ТВОЙ-ACC.SG.DEF   сын.SG
 ‘Я давно не видел твоего сына.’

Наиболее частотными претеритальными формами остаются аорист и имперфект, причем преобладают в употреблении формы

⁵⁵ Из интервью с информантом И.Ф. Пиперко (1939 г.р., рис. 1): (М.М.) «Можно сказать, например, “я прочитал книгу” — *un kam kënd'urə k'artə?*» — (И.Ф.П.) «Можно. *Un kam kënd'urə* — я когда-то читал. *Un kam kënd'urə kti k'artə*. Я когда-то читал эту книгу» [Морозова: ПМА 2008: Пиперко].

аориста. Исключение составляют глаголы *kat* ‘иметь’ и *jat* ‘быть’, которые употребляются только в имперфекте (в говоре Мандрицы, напротив, преобладают формы аориста этих глаголов [Sokolova 1983: 127]).

Основным для аориста является значение законченного действия в прошлом. Временная локализация действий и событий выражается наречиями (*d'i* / *d'i* ‘вчера’, *part* ‘раньше’) и предложными группами (*n'i miŋ pr'apə* ‘месяц назад’, *n'i ktə j'avə* ‘на этой неделе’) (20). В связи с практически полным исчезновением аналитического перфекта аорист, как правило, замещает его в результативных контекстах (21).

(20) *d'i aj'u dul j'əftə ga kam'ar-i.*
 вчера он выйти.AOR.3SG наружу из окно-NOM.SG.DEF
 ‘Вчера он вылез на улицу через окно.’

(21) *t'i a ɣ'ap-ə kam'are?*
 ты.NOM CLIT.3SG.ACC открывать-AOR.2SG окно.SG.INDF
 ‘Ты открыл окно?’ (говорящий видит, что окно в комнате открыто, и хочет узнать, кто его открыл).

Имперфект в говоре остается основным способом выражения дуративного (22), итеративного (23) и хабитуального (24а) значений в прошлом, однако типичные для имперфекта значения могут выражаться и формами аориста (24б).

(22) *gr'u-ja ʃipt'o-jt-ə dak aj'u*
 жена-NOM.SG.DEF понимать-AOR-AOR.3SG что он.NOM
ga ti mʃ'iɣ-ifi br'enda.
 от она.ACC.SG прятаться-INACT.IPF.3SG внутри
 ‘Жена поняла, что он прятался от нее в доме.’

(23) *mʋit un ʃid'o j'avə v'ij-na n'i d'et-tə.* <прошлый.год я.NOM
 каждый неделя.SG.INDF идти-IPF.3SG на море-LOC.SG>
 ‘В прошлом году я каждую неделю ездил на море.’

- (24a) *j'imi-i d'edo part kənd'o-nə ʃumə k'artə-ra.*
 <мой-М.НОМ.СГ.ДЕФ дед.СГ раньше читать-ИПФ.3СГ
 много книга-ПЛ.ИНДФ>
 'Мой дед раньше читал много книг.'
- (24б) *un ʃumə k'artə-ra kənd'o-jt-a part le tɔʃ'i kənd'o-n.*
 <Я.НОМ много книга-ПЛ.ИНДФ читать-АОР-АОР.3СГ раньше
 и сейчас читать-ПРС.3СГ>
 'Я раньше читал много книг и теперь читаю.'

Способы образования основ аориста и система лично-числовых окончаний простых претеритов в говоре албанцев Украины подверглись изменениям, многие из которых имеют аналогический характер. Как и в общеалбанском, в говоре противопоставлены основы презенса и аориста ряда собственно албанских глаголов. Все глаголы на **-njo* в аористе имеют суффикс *-t- / -jt-*: *pən'o-jt-a* 'я (по)работал(-а)' (лит. *punova*), *vd'e-t-a* 'я нашел(-ла)' (лит. *gjeta*). В албанском языке употребление этого форманта ограничено несколькими десятками глаголов; исключение составляют лишь современные говоры районов Корчи и Виткукя, где суффикс *-t- / -jt-* значительно более продуктивен [Десницкая 1968: 276]. По мнению А.В. Жугры и Л.В. Шараповой, формы аориста на *-t- / -jt-* в говоре албанцев Украины по способу образования аналогичны лит. *mbajta* 'я (по)держал(-а)' и диал. *punojta* 'я (по)работал(-а)' (лит. *punova*) и, весьма вероятно, возникли еще в период пребывания предков носителей говора на территории Албании [Жугра, Шарапова 1998: 137–138].

Глаголы, образующие сигматическую форму аориста в 1-м лице ед. ч., присоединяют сигматический суффикс *-f-* также в форме 2-го лица ед. ч. Подобное аналогическое изменение характерно, например, для арванитики (ср. АОР.1СГ *'θafə* 'я сказал(-а)', АОР.2СГ *'θafe* 'ты сказал(-а)' в говоре о. Саламина [Haebler 1965: 148]) и для говора с. Мандрицы (АОР.1СГ *sasha*, АОР.2СГ *sashe* [Sokolova 1983: 128]). Сигматические формы аориста 1-го лица ед. ч. в говоре албанцев Украины, как и в общеалбанском, образуют немногочисленные собственно албанские глаголы *jar* 'давать' — *ð'a-f-i / l'a-f-i* (лит. *jar* — *dhashë*), *fox* 'видеть' — *p'a-f-i* (лит. *shoh* — *pashë*), *ʋa* 'оставлять' — *ʋ'a-f-i* (лит. *lë* — *lashë*), *bi* 'падать' — *r'a-f-i* (лит. *bie* — *rashë*), *them* 'говорить' — *θ'a-f-i* (лит. *them* — *thashë*). По сигматическому типу в говоре образуется

также аорист глагола *vin* ‘приходить’ — *'artfi* / *γ'artfi* (лит. *vij* — 1SG *erdha*, 2SG *erdhe*). Сигматические формы аориста этого глагола встречаются в письменных памятниках XVI–XVII вв. ((Бузук) *ershë*, *erdhshë*, (Барди) *ershë*, (Буди) *erdhshë*) и в некоторых современных албанских говорах (*jerça* ‘я пришел(-ла)’ в говоре Мандрицы [Sokolova 1983: 128]) и образованы — по аналогии с сигматическими глаголами — добавлением форманта *-shë* к основе асигматического аориста [Demiraj 1988: 784].

Инновацией говора, ранее отмечавшейся исследователями, является «снятие противопоставления окончаний 1-го и 2-го лица ед. ч.» в аористе [Сытов 1975: 140–141]. Глаголы с основой на *g*, *h* и глаголы на гласный с суффиксом аориста *-v-* присоединяют окончание *-o*, остальные глаголы — окончание *-a* / *-e* [Voronina et al. 1996: 79–84]. По нашим наблюдениям, окончания 1-го и 2-го лица ед. ч. аориста полностью совпадают у глаголов с основой аориста на заднеязычный *x* / *γ* (*nd'i'ix-o* / *nd'i'γ-o* ‘я, ты помог(-ла)’), глаголов на гласный с суффиксом аориста *-v-* / *-w-*⁵⁶ (*l'a-w-o* ‘я, ты помыл(-а)’) и глаголов с сигматическими формами аориста 1-го и 2-го лица ед. ч. (*pa-š-a* ‘я, ты видел(-а)’ [СПбФ АРАН: Державин 1948: 73], буджак. *đ'a-f-ə* / *l'a-f-ə* и приаз. *l'a-f-i* ‘я, ты дал(-а)’). Глаголы на согласный (кроме заднеязычных) присоединяют окончание *-a* в 1-м лице ед. ч. и окончание *-e* / *-ə* — во 2-м лице ед. ч. аориста, однако в беглой речи формы на *-a* и формы на *-e* / *-ə* могут смешиваться: AOR.1SG *g'i'egj-a* (*-e*) / *đ'edđ-a* (*-e*) ‘я слышал(-а)’, *d'ol-a* (*-ə*) ‘я вышел(-ла)»; AOR.2SG *g'i'egj-e* (*-a*) / *đ'edđ-e* (*-a*) ‘ты слышал(-а)’, *d'ol-ə* (*-a*) ‘ты вышел(-ла)’ (ср. алб. приаз. *g'ëg'ë* ‘я, ты слышал(-а)’ [СПбФ АРАН: Державин 1948: 73]; лит. *dol-a*, *dol-e*). Смешение окончаний аориста 1-го, 2-го и 3-го лица ед. ч. глаголов на **-niç* в большей степени характерно для речи некоторых информантов в Приазовье: алб. приаз. AOR.1SG *skr'ojt-a* / *skr'ojt-ə* ‘я написал(-а)’, AOR.2SG *skr'ojt-i* / *skr'ojt-ə* ‘ты написал(-а)’, AOR.3SG *skr'ojt-ə* / *skr'ojt-i* ‘он(а) написал(-а)’ (ср. лит. *shkrov-a*, *shkrov-e*, *shkro-i*).

⁵⁶ Билабиальный сонант [w] реализуется в интервокальной позиции на месте общеалбанского [v] и, по мнению исследователей, может трактоваться как позиционный аллофон фонемы /v/ [Каминская 2012: 168–169].

В 3-м лице ед. ч. аориста большая часть глаголов имеет окончание *-ə*, а после заднеязычных, гласных и сонантов присоединяется окончание *-и*: *pən'ojt-ə* 'он(а) поработал(-а)', *p'ut-ə* 'он(а) спросил(-а)', *j'ik-и* 'он(а) ушел(-ла)', *nd'ix-и* / *nd'iy-и* 'он(а) помог(-ла)', *r'ay-и* 'он(а) побил(-а)', *l'a-(w)-и* 'он(а) помыл(-а)'. У ряда собственно албанских глаголов (в том числе глаголов с апофоническим чередованием либо с расширением основы в аористе) окончание в 3-м лице ед. ч. отсутствует: *mbet* 'он(а) остался(-лась)', *vd'et* 'он(а) нашел(-ла)', *jert* 'он(а) пришел(-ла)' (лит. *mbeti, gjeti, erdhi*); *dul* 'он вышел(-ла)', *pot'* 'он(а) испек(-ла)', *mur* 'он(а) взял(-а)' (лит. *doli, poqi, mori*); *zər* / *zir* 'он(а) схватил(-а); начал(-а)', *x'ir* / *y'ir* 'он(а) вошел(-ла)' (лит. *zuri, hyri*). Ср. с аналогичными примерами в большинстве гегских говоров и некоторых говорах албаноязычных поселений Италии: *tuar* / *tuēr* 'он(а) взял(-а)', *duał* / *duał* 'он вышел(-ла)', *mbet* 'он(а) остался(-лась)', *jet* 'он(а) нашел(-ла)', *erđ* 'он(а) пришел(-ла)' и т.д. [ADGjSh 2007: 366–367]⁵⁷.

В **имперфекте** окончания 1-го и 2-го лица ед. ч. совпадают: IPF.1/2SG *kənd'o-na* (*-nə*) 'я, ты пел(-а)', *b'ə-na* (*-nə*) / *b'u-na* (*-nə*) 'я, ты делал(-а)', *d'il-na* (*-nə*) 'я, ты выходил(-а)', *l'a-j-na* (*-nə*) 'я, ты мыл(-а)' (лит. IPF.1SG *kəndoja, bëja, dilja, laja*; IPF.2SG *kəndoje, bëje, dilje, laje*). По аналогии образованы соответствующие формы глаголов *kam* 'иметь', *jam* 'быть' и *them* 'говорить': *k'if-na* (*-nə*) / *l'if-na* (*-nə*) 'я, ты имел(-а)', *j'if-na* (*-nə*) 'я, ты был(-а)', *θ'of-na* (*-nə*) 'я, ты говорил(-а)' (ср. лит. *kisha, kische; isha, ishe; thosha, thoshe*; диал. *ifna, ifne* в северо-восточных гегских говорах, *ifja* / *ifna, ifje* / *ifne* в среднегегском говоре Дибры и северо-западных тоскских говорах [ADGjSh 2007: 339–340]). Депапатализованный *-nj* > *-n* в окончании 1-го и 2-го лица ед. ч. имперфекта представляет собой инновацию говора албанцев Украины, отличающую его от говоров Северной Тоскеры, Дибры и с. Мандрицы, в которых сохраняются более архаичные формы на *-nja, -nje* [Sokolova 1983: 122; ADGjSh 2007: 352–353, 358–359].

Формы 3-го лица ед. ч. имперфекта в современном говоре албанцев Украины имеют окончание *-n'i* / *-nə*: *fk'o-n'i* / *fk'o-nə* 'он(а) ходил(-а)', *s'il-n'i* / *s'il-nə* 'он(а) приносил(-а)', *l'a-j-n'i* / *l'a-j-nə* 'он(а)

⁵⁷ В литературном албанском языке по этой модели регулярно образуются формы 3-го лица ед.ч. неактивного аориста: *u har* 'открылся', *u la* 'вымылся' [Gramatika 2002: 304].

мыл(-а)' (лит. *shkonte, sillte, lante*), *zalex'it-n'i / zalay'it-nə* 'он(а) говорил(-а)'. Материалы прошлых лет показывают, что окончание 3-го лица ед. ч. имперфекта ранее имело вид *-nej / -nij: ngordnej / ngordnij* 'он(а) убивал(-а)', *kepnej / keprij* 'он(а) шил(-а)' [Демко 1971: 62], *shkonij* 'он(а) ходил(-а)' [Voronina et al. 1996: 88] (ср. современные говоры арбрешей Италии и Чамерии: *vef-nij (vef-ij) / vef-nej (vef-ej)* 'он(а) одевался(-лась)' [ADGjSh 2007: 348, 354])⁵⁸.

Глаголы *kat, jam* в говоре албанцев Украины сохраняют архаичные формы 3-го лица ед. ч. имперфекта без окончания: *k'if / t'if* 'он(а) имел(-а)', буджак. и приаз. *jif* (также буджак. *j'if-nij*, по аналогии с другими глаголами) 'он(а) был(-а)'. В общеалбанском *kishte, ishte* употребляются наряду с формами без окончания уже в текстах XVI–XVII вв. [Demiraj 1988: 688] Сохранение форм без *-te* является консервативной чертой некоторых албанских говоров, ср., например, *if* в говорах албаноязычных поселений Италии и Греции, чамерийском и ляберийском и в некоторых северногегских говорах [ADGjSh 2007: 341], а также *ish, kish* в говоре Мандрицы [Sokolova 1983: 127].

Формы 1–3-го лица мн. ч. имперфекта образуются с помощью окончаний *-n'im, -n'it, -n'in* (от глаголов на **-njo*) / *-(j)im, -(j)it, -jin* (от остальных глаголов; глаголы на **-njo* имеют дублетные формы с этими окончаниями): *pən'o-n'im / pən'o(j)-im* 'мы работали', *b'ə-n'im / b'u(j)-im* 'мы делали'; *qəš-im* 'мы смеялись' [Котова 1956: 279], *m'iγ-in* 'они рыхлили', *zalay'iθ-im* 'мы говорили', *l'a(j)-im* 'мы мыли', *h'a(j)-im / γ'a(j)-im* 'мы ели' (лит. *pūponim, bėnim, qeshnim, mihnim, lanim, hanim*). Глаголы *kat, jam* в 1–3-м лице мн. ч. имперфекта имеют формы: *k'if-im / t'if-im, k'if-it / t'if-it, k'if-in / t'if-in* 'мы, вы, они имели'; *j'if-im, j'if-it, j'if-in* 'мы, вы, они были'. Спорадически в речи на исследуемом говоре употребляются активные формы имперфекта, образованные с помощью окончаний неактивного залога *-əsim, -əfit, -əfin*: *pən'o-n-əsim* 'мы работали' (аналогично *təs'o-n-əsim / təs'o-γ-əsim* 'мы учились', ср. лит. *mėsoheshim*). Аналогичная инновация характерна для говора Мандрицы: активные формы имперфекта мн. ч. с окончаниями не-

⁵⁸ На большей части албанской диалектной территории распространен более поздний вариант окончания *-(n)te*, который в некоторых говорах Южной Албании имеет расширение *-j* (краины Загория, Дангелия): *bėntej* 'он(а) делал(а)', *vintej* 'он(а) приходил(а)' [Demiraj 1988: 775].

активного залога регулярно употребляются наряду с общетосскими формами на *-nim(ë)*, *-nit(ë)*, *-nin(ë)* и наиболее частотны в речи молодого поколения: *lá-nimë / lá-nishmë* ‘мы мыли’ (в имперфекте неактивного залога также отмечены параллельные формы с разными наборами окончаний: *láhe-nimë / láhe-nishmë* ‘мы мылись’) [Sokolova 1983: 122–127].

2.1.3. Будущее время тосского волитативного типа в говоре албанцев Украины образуется с помощью частицы *od* (перед гласными и звонкими неносовыми согласными) / *ot* (перед остальными согласными), которая в локальном варианте Приазовья произносится как *ad / at*: *na ot ft'onəm / at ft'onəm* ‘мы посмотрим’, *un od v̄a / ad v̄a* ‘я вымою’. В редких случаях конечный согласный частицы отпадает перед группой согласных: *o vdes < od vdes* ‘умру’⁵⁹. У глаголов *v'etem* ‘иду’, *v'in* ‘прихожу’ отпадает начальный *v-*: 1SG *od 'etem / ad 'etem (< od v'etem)* ‘пойду’, *od' in / ad 'in (< od v'in)* ‘приду’; 2SG *od 'ef / ad 'ef (< od vef)* ‘пойдешь’, *od' inəf / ad 'inəf (< od v'inəf)* ‘придешь’ и т.д.

По всей видимости, частица *od / ot* в говоре албанцев Украины образована слиянием футурального и конъюнктивного показателей *do + tē* (лит. *do tē bėj* ‘сделаю’). Соответствующий вариант сохраняется в говоре Мандрицы: *dot bėjmə* ‘сделаем’ наряду с *ot shkron* ‘напишет’, *ot vij* ‘приду’, *o bësh* ‘сделаешь’ [Sokolova 1983: 137], *o t'i pagëzosh* ‘покрестишь их’, *o t'të haj* ‘съем тебя’ [Domi, Shuteriqi 1965: 114]. Утрата начального согласного футуральной частицы (*do > o*) — явление, характерное не только для говоров диаспоры, но и для основного албаноязычного ареала, ср. *ç o t them* ‘что сказать?’ (букв. «что я скажу»), *o t marim* ‘возьмем’ в говоре Гирокастры [Totoni 1966: 105]. Образование «единого» футурального показателя в говорах с. Мандрицы и албанцев Украины, скорее всего, связано с болгарским влиянием (болг. *ще искам*). Аналогичное явление (*do + tē > tot*) отмечено в гегском говоре Ополя / Опои (срб.-хрв. *Опоље*, алб. *Оројë*), для которого документирован массовый переход славянского населения на албанский язык [Русаков 2013: 157].

⁵⁹ По наблюдениям Л.Я. Демко, в говоре с. Жовтневого конечный согласный частицы регулярно элиминируется перед группой согласных: *o vdes* ‘умру’ < *od vdes*, *o ngas* ‘побегу’ < *od ngas*, *o fle* ‘попсю’ < *ot fle*, *o sht'un* ‘толкну’ < *ot sht'un* [Демко 1971: 64].

2.2. Категория залога. Неактивный залог. Наряду с временными формами индикатива активного залога, описанными выше, в говоре албанцев Украины имеются формы презенса, имперфекта и аориста неактивного залога.

Окончания **презенса** и **имперфекта** неактивного залога в целом совпадают с общеалбанскими; диалектную специфику имеет только окончание 3-го лица ед. ч. имперфекта *-əfi / -ifi*: *l'ol-əfi* 'он(а) уставал(-а)'; ср. лит. *lodhej* и диал. (преимущественно тоск.) *lođej, lođef*, (с.-вост. тоск.) *lođ(e)fe*, (преимущественно гег.) *u lođte, u lođke* [ADGjSh 2007: 406]; *mfiγ-ifi* 'он(а) прятался(-лась)', ср. лит. *fshihej*. Глаголы на **-njo*, как правило, образуют формы презенса и имперфекта неактивного залога с корневым *-n-* перед окончанием (см. также: [Демко 1971: 61; Сытов 1975: 147; Voronina et al. 1996: 87]): (PRS) *mart'o-n-em* 'женюсь; выхожу замуж', *xar'o-n-et* 'забывается'; (IPF) *b'u-n-əfi* 'он(а) делался(-лась)', *nglaz'o-n-əfi* 'он(а) радовался(-лась)', *məs'o-n-əfim* 'мы учились', *l'if'o-n-əfim* 'мы (с)пускались'. Некоторые глаголы имеют дублетные формы с интервокальным *-x-* / *-γ-*, идентичные современным общеалбанским: (PRS) *mart'o-γ-em* 'женюсь; выхожу замуж'; (IPF) *məs'o-γ-əfim* 'мы учились', *mart'o-γ-əfin* 'они женились; выходили замуж' (лит. *martohem, mësoheshim, martoheshin*; в говоре с. Мандрицы имеются только формы с интервокальным *-h-*: *martohet* 'женится; выходит замуж', *lahet* 'моется', *këndohet* 'поется' [Sokolova 1983: 121]). По мнению Ш. Демирая, утрата конечного согласного основы *-n-* и его замещение интервокальным *-h-* в синтетических формах неактивного залога относятся к дописьменному периоду истории албанского языка. У таких глаголов, как *zë* 'хватать', *vë* 'класть; ставить', *shkruaj* 'писать', *ziej* 'кипеть', в документированном албанском отсутствуют формы с *-n-*, а формы типа *bën-em* (гег. *ban-em*) 'делаюсь', которые встречаются в албанских письменных текстах XVI–XVII вв. и в некоторых современных говорах Южной Албании наряду с *bëh-em* (гег. *bah-em*), в действительности представляют собой вторичные образования, возникшие на основе формы 2–3-го лица ед. ч. презенса *bën* (гег. *ban*) в период, когда в тоскском диалекте албанского языка прекратил свое действие ротацизм [Demiraj 1988: 728–729]. Формы презенса и имперфекта неактивного залога глаголов на **-njo* с корневым *-n-* в говоре албанцев Украины, скорее всего, также являются результатом действия данной общетоскской (или общеалбанской) иннова-

ции, связанной с относительно поздним морфологическим переразложением основ [Сытов 1975: 147].

Инновацией говора является распространение сигматического типа образования **аориста** в парадигме ед. ч. неактивного залога: *un* и *nglaz'u-f-i* 'я обрадовался(-лась)' (лит. *u gëzova*), *tî* и *məs'u-f-i* 'ты (на)учился (-лась)' (лит. *u mësove*), *aj'u* и *mart'u-f-i* 'он женился; она вышла замуж' (лит. *u martua*); ср. с асигматическими формами мн. ч. *at'o* и *nglaz'ojtən* 'они обрадовались' (лит. *u gëzuan*). Образование сигматических форм 1-го лица ед. ч. аориста неактивного залога в общеалбанском представляет собой достаточно раннее и распространенное явление. Эти формы встречаются уже в тексте «Службника» Гь.Бузука (1555): *ubashë* 'я сделался(-лась)', *uçuditshë* 'я удивился(-лась)', *u tplakshë* 'я состарился(-лась)' и широко представлены в современной албанской диалектной речи (*u lodh-ç-ë* < *u lodh-sh-ë* 'я устал(-а)') [Demiraj 1988: 784–785], включая говор с. Мандрицы: *u goditça* / *u godita* 'я ударился(-лась)', *u gjëtça* / *u gjëta* 'я нашелся(-лась)' и др. [Sokolova 1983: 128]. Дальнейшее аналогическое распространение сигматического способа образования форм в парадигме ед. ч. аориста неактивного залога характерно только для арванитики, где сигматический суффикс используется в 1-м и 2-м лице ед.ч. (1SG *u hapshë*, 2SG *u hapshe* в говоре о. Саламина [Haebler 1965: 148]), и для говора албанцев Украины, в котором, как показано выше, сигматический суффикс *-f-* появляется во всех формах ед. ч. неактивного аориста.

2.3. Категория наклонения включает граммы **индикатива** (подробно описан выше), **конъюнктива**, **императива**, **адмиратива**. В материалах второй половины прошлого века в говоре албанцев Украины зафиксированы — хотя и малоупотребительные — формы с суффиксом *-sh-*, интерпретируемые как презенс и перфект **оптатива**, употребление которых ограничивалось условными предложениями и сопровождалось союзом *ni* / *ndi* / *nji* (лит. алб. *në* 'если'): *ni gëlltitshe* 'если проглочу', *ni këndoshe* 'если прочитаю', *ni u lashe* 'если помоюсь'; *ni pashe larë* 'если я помыл(а)' [Демко 1971: 64; Voronina et al. 1996: 97] (ср. с лит. формами оптатива *gëlltitsha* 'чтобы я проглотил(-а)', *këndofsha* 'чтобы я спел(-а)', *u lafsha* 'чтобы я помылся(-лась)'; *paça larë* 'чтобы я помыл(-а)', которые также могут употребляться в протазисе условного предложения [Buchholz,

Fiedler 1987: 165–166]). В ходе изучения современного состояния говора нами был обнаружен только один пример употребления презенса оптатива от глагола *jam* ‘быть’:

(25) <i>k'ou-a</i>	<i>dək</i>	<i>kl'in-fə</i>	<i>a</i>
погода-NOM.SG.DEF	если	быть-OPT.PRS.3SG	ART.F.NOM.SG
<i>m'irə,</i>	<i>ad</i>	<i>j'e-tə</i>	<i>m'irə.</i>
хороший.SG	FUT	быть-SBJV.PRS.3SG	хорошо

‘Если будет хорошая погода, будет хорошо.’

В современном говоре оптатив замещен формами **презенса** и **имперфекта конъюнктива**, которые в целом соответствуют общеалбанским (ср. с говором Мандрицы, где оптатив в «желательных» контекстах также регулярно замещается конъюнктивом или императивом: *t'i ndjekë perendija!* ‘да не оставит их Бог’, *mbetu me shëndet!* ‘оставайся со здоровьем’ [Sokolova 1983: 146]). Особенностью образования форм конъюнктива в говоре албанцев Украины является сохранение суффикса *-n-* во всех лично-числовых формах презенса глаголов на **-njo*: SBJV.PRS.2SG *tə skr'u-n-əf* ‘чтобы ты писал(-а)’, *tə b'an-əf / tə b'un-əf* ‘чтобы ты делал(-а)’, SBJV.PRS.3SG *tə skr'u-n-ə* ‘чтобы он(а) писал(-а)’, *tə b'an-ə / tə b'un-ə* ‘чтобы он(а) делал(-а)’ (лит. *të shkruash, të bësh; të shkruajë, të bëjë*) и т.д. Как и в общеалбанском, формы конъюнктива обладают набором модальных значений, в число которых входит и значение пожелания (см. подробнее: [Buchholz, Fiedler 1987: 134, 138]):

(26) <i>aj'u</i>	<i>tə</i>	<i>t'e-tə</i>	<i>fənd'et</i>
он.NOM	SBJV	иметь-SBJV.PRS.3SG	здоровье.SG.INDF
<i>le tə</i>	<i>j'e-tə</i>	<i>i</i>	<i>nɣlaz'urə.</i>
и	SBJV	быть-SBJV.PRS.3SG	ART.M.NOM.SG радостный

‘Пусть он имеет здоровье и будет счастлив.’

(27a) <i>ma tə</i>	<i>m'irə</i>	<i>tə</i>	<i>j'it-n'i.</i>
с	ART.N.ACC.SG	добро.SG.INDF	SBJV
‘Чтобы вы оставались с добром.’ (благопожелание хозяевам при прощании)			

- (27б) *ma tə m'irə tə v'i-n'i.*
 с ART.N.ACC.SG добро.SG.INDF SBJV идти-PRS.2PL
 'Чтобы вы пошли с добром.' (ответ хозяев при прощании)
- (28) *tə γ'umb-et l'e-ja pa tə γ'in-əf'ti.* <SBJV терять-INACT.PRS.3SG
 земля-NOM.SG.DEF а SBJV входить-SBJV.PRS.2SG ты.NOM>
 'Чтоб ты провалился.' (досл. «чтоб потерялась
 (т.е. разверзлась) земля, а ты чтоб вошел туда»)

Конъюнктив в говоре албанцев Украины замещает также албанскую целевую конструкцию, образованную сочетанием предлога *pər* 'для, ради' и отглагольного имени (лит. *për të bërë*). Единичные примеры употребления таких конструкций в речи наиболее компетентных носителей (преимущественно в с. Жовтневом и Георгиевке) могут быть интерпретированы скорее как предложные группы: *pər tə f'itur* 'для того, чтобы спать' (то есть «для сна»), *pər tə zalay'itur* 'для того, чтобы говорить' («для разговора», ср. *tə zalay'itur*, *-tə* 'разговор'), *at'o tš'up-a pər tə mart'urə* <ЭТОТ.NOM.PL девушка-PL.INDF для ART.N.ACC.SG замужество.ACC.SG.INDF> 'эти девушки на выданье'. Замена конструкции типа *për të bërë* конъюнктивом характерна также для современных говоров Чамерии и албаноязычных поселений Италии [ADGjSh 2007: 390].

Императив в говоре албанцев Украины имеет формы 2-го лица единственного и множественного числа. Формы ед. ч. императива глаголов на **-njo* образуются с добавлением *-j*: *duft'e-j* 'расскажи', *pən'o-j* 'работай' (ср. *deptè* 'расскажи' в материалах Н.С. Державина [СПбФ РАН: Державин 1948: 73] и вариативные формы *pënoj / pëno* 'работай' в [Voronina et al. 1996: 98]); *duft'e-n'i* 'расскажите', *pən'o-n'i* 'работайте'. Глаголы на **-mi* и на гласный присоединяют *-j* не только в ед. ч., но и во мн. ч.: *θu-j* 'скажи', *γa-j* 'ешь'; *γ'a-j-n'i* 'ешьте', *θ'u-j-n'i* 'скажите'. Форма ед. ч. императива глаголов на согласный не имеет окончания; во мн. ч. окончание прибавляется непосредственно к основе: *jak kəγ'i* 'подойди сюда', *j'ak-n'i kəγ'i* 'подойдите сюда'⁶⁰. В импе-

⁶⁰ Диалектная форма императива *jakë*, употребляемая вместо общеалб. *eja*, характерна для говора Корчи и ее окрестностей [Floqi 1958: 105].

ративных контекстах наряду с менее частотным албанским *j'eŕsə* (IMP.2SG от *j'eŕsən* 'иду') часто употребляется глагол *k'om(a)* 'иди, сходи' (от нем. *kommen* 'приходить, идти'): *k'oma ʋuj* 'иди играть', *kom bl'ir b'ukə* 'сходи купи хлеба', *j'eŕsə fl'ir* 'иди спать'.

Из четырех общеалбанских временных форм **адмиратива** в говоре албанцев Украины сохранились презенс и имперфект: *p'as-kam* (ADM.PRS.1SG от *kam* 'иметь'), *kənd'ojt'-kam* (ADM.PRS.1SG от *kənd'on* 'петь; читать'); *p'as-kəfi* (ADM.PRF.3SG от *kam* 'иметь'). Достаточно частотные формы презенса адмиратива глаголов на *-*njo* образуются от основы с суффиксом *-t^(j)- / -jt^(j)-*, к которой добавляются соответствующие окончания: *u mart'o-jt^(j)-ka* '(оказывается) он женился; она вышла замуж', *skr'o-jt^(j)-ka* '(оказывается) он(а) написал(-а)', *vde-t-ka* '(оказывается) он(а) нашел(-ла)' (лит. *u martuaka, shkruaka, gjetka*). Наряду с утратой аналитических претеритов и расширением функций аориста и имперфекта своеобразной особенностью системы прошедших времен в говоре албанцев Украины является включение презенса адмиратива в число претеритальных форм. В большинстве контекстов формы адмиратива употребляются как нарративное прошедшее с оттенком пересказываемости (аналогичное употребление адмиратива характерно для говора Мандрицы [Sokolova 1983: 141–145]).

- (29) *ʋim'otə ʋim'otə ni t'in-tə b'al'tə p'as-ka mal'i*. <давно давно в наш-LOC.SG земля.SG иметь-ADM.PRS.3SG лес.SG.INDF>
'Давным-давно в нашей земле был лес.' (зачин вымышленной истории)
- (30) *'art-kan ga b'esar'ab'ija*.
приходить-ADM.PRS.3SG из Бессарабия.SG
'Они пришли из Бессарабии.' (пересказ истории о переселении албанцев из Буджака в Приазовье)
- (31) *θ'u-nə so k'ir'uf-a u mart'o-jt^(j)-ka*.
<говорить-PRS.3PL что Кирилл-NOM.SG.DEF INACT жениться-AOR-ADM.PRS.3SG>
'Говорят, что Кирилл женился.'

2.4. Неличные формы глагола. Причастие. Как и в общеалбанском, в говоре албанцев Украины имеются неизменяемые страдатель-

ные причастия, которые образуются с помощью суффиксов *-rə*, *-nə* (от основ на гласный: *mart'o-n* 'женить, выдавать замуж' — *mart'u-rə*, *l'a* 'мыть' — *l'a-rə*; *xa / ya* 'есть' — *ngr'ə-nə*), *-ur* (от основ на согласный: *praz'it* 'жарить' — *praz'it-ur*, *t'it* 'вынимать, выкапывать' — *t'it-ur*). Образование причастий возможно как от исконных, так и от заимствованных глаголов: *darald'is* 'сердить' — *darald'is-ur*. Причастия выступают в роли неизменяемого компонента в аналитической форме перфекта. Адъективированные причастия употребляются в функции определения и в составе именного сказуемого. В единственном числе на согласование с подлежащим и определяемым словом указывает препозитивный артикль (*a mart'urə gru* 'замужняя женщина', *i mart'urə nar'i* 'женатый мужчина'). Во множественном числе адъективированные причастия ж. р. присоединяют окончание *-a*:

- (32) *at'o tʃup-a-t nog ja-n tə mart'ur-a*
 <ТОТ.НОМ.ПЛ девушка-ПЛ-НОМ.ПЛ.DEF NEG БЫТЬ-PRS.3PL ART.ПЛ
 замужний-Ф.ПЛ>
 'Те девушки незамужние.'

3. Неизменяемые части речи

Наречия имеют форму сравнительной степени, образуемую аналитически с помощью форманта *tu / mə*: *tu m'irə* <СОМР хорошо> 'лучше'. Этот формант в говоре используется и при образовании сравнительной степени заимствованных либо употребляемых окказионально в речи русских наречий: *tu z'irno* <СОМР жирно> 'жирнее'. Характерно различие количественного наречия *ʃumə* 'много' (лит. *shumė*), которое относится к глагольной группе или существительному: *aj'u ʃumə zalay'it* 'он много говорит', *ʃumə ʃənd'et* 'много здоровья' (пожелание), и наречия степени *yort* 'очень' (лит. *fort* 'сильно; очень'), употребляемого с прилагательными и наречиями, например *yort i y'ortə* 'очень сильный', *yort m'irə* 'очень хорошо' (в отличие от общеалбанского, где оба наречия могут употребляться с прилагательными, наречиями и в составе глагольной группы: *shumė i mirė* 'очень хороший' / *fort i bukur* 'очень красивый', *shumė afër* 'очень близко' / *fort pak* 'очень мало'; ср. также *mbaj fort* 'крепко держу', *shkëlqen fort* 'сильно блестит', *punon shumė* 'он(а) много работает',

shumë njerëz ‘много людей’ [FShS 2002: 352, 1313]). Возможна адвербиализация аккузативных и аблативных форм существительных: *d'itën / d'itën* ‘днем’, *n'atën* ‘ночью’; *'ulës* ‘дорогой, по дороге’ (лит. *ditën, natën; udhës*).

Предлоги в целом сохраняют общеалбанское падежное управление (см. выше раздел о падеже). Номинативом управляют *ga* ‘из, от’ и *ta* ‘к’; аккузативом — *për* ‘для, о’; аккузативом и локативом — *ma* ‘с’, *n'i* ‘в, на’, *mar* ‘на’, а также производные *d'ër n'i* ‘до’, *për n'i* ‘через, по’, *ga mar* ‘из-под’. Косвенным падежом управляют простые предлоги *pr'anë* и *bojn'a* ‘рядом’, *d'ana* ‘под’, *d'il'otur* ‘вокруг’, *pas* ‘после, за’, *përp'ara* ‘перед’, *përp'oft* ‘под’, *s'ipër* ‘над, на поверхности’, *tej* и *përt'ej* ‘за, по ту сторону’, а также составные *ga përp'oft* ‘из-под’, *ga s'ipër* ‘сверху’, *n'i mes të* ‘посреди’, *n'i vent të* ‘вместо’.

В речи на говоре используются заимствованные болгарские, гагаузские, украинские и (в большей степени) русские **союзы**, **сентенциальные** и **фокусные частицы**, **слова-наполнители** (*fillers*), которые употребляются в качестве дублетов к соответствующим албанским или — чаще — полностью замещают их (см. также: [Жугра, Шарапова 1998: 147–149]): *ðe* (алб. лит. *dhe*) и *i* (рус. *и*) ‘и’, *'ose* (алб. лит. *ose*) и *'il'i* (рус. *или*) ‘или’, *se* (алб. лит. *se*) и *pëtam'ufta* (рус. *потому что*) ‘потому что’, *dak* ‘что, который’ (алб. лит. *tek* ‘который; где; как’; болг. диал. *дек(а)* ‘что, который’)⁶¹ и *fo* ‘что’ (рус. *что*, укр. *що*; в русской речи информантов в Буджаке и Приазовье — *шо*); *li* (болг. *ли* в общем вопросе; ср. *vërtet-li?* ‘правда?’ в говоре с. Мандрицы [Domì, Shuteriqi 1965: 116]), *t'fak* (гагауз. *чак* ‘до’; болг. *чак* ‘вплоть до’), *t'fi... t'fi* ‘то ли... то ли’ (укр. *чи осінь, чи зима* ‘то ли осень, то ли зима’ [СУМ 1980: 321]), *no* (рус. *но*), *j'es'li* (рус. *если*; ранее употреблялся союз *ni / ndi* ‘если’, алб. лит. *në*), *uz'e* (рус. *уже*), *хот'i* (рус. *хоть*), *ze* (рус. *же*), *d'azi* (рус. *даже*), *zn'at'fit* (рус. *значит*).

⁶¹ В литературе прошлых лет зафиксированы произносительные варианты *tek / dek / dak / dak / dok* [Haebler 1959: 100]. Рус. диал. *дак* ‘только что, как только; то, так; но, однако; хорошо, ладно; значит’ (в северных, южных и среднерусских говорах) [СРНГ 1972: 265–266] и укр. диал. *дак* ‘так’ [СУМ 1971: 206] имеют иные функции, поэтому прямое заимствование из русского или украинского маловероятно.

Заключение

Говор албанцев Украины в современном состоянии сочетает общеалбанские и реликтовые черты в формальном выражении основных грамматических категорий с морфологическими и синтаксическими инновациями, возникшими в период его существования в отрыве от основного албаноязычного ареала.

Именная система говора последовательно сохраняет общеалбанский характер в плане состава и способов выражения именных категорий. Единственная именная грамматическая категория, которая подверглась частичному разрушению в говоре албанцев Украины, — это категория определенности (аналогичные процессы в той или иной степени характерны для других островных говоров албанского языка, например арванитики и говора с. Мандрицы). К числу консервативных черт именной системы относятся сохранение типичных албанских падежно-числовых показателей и хорошая сохранность механизмов адаптации заимствований, что подтверждается многочисленными примерами интегрирования русских, болгарских, гагаузских лексем в систему говора. Сохранены такие албанские диалектные «архаизмы» как средний род вещественных существительных и указательных местоимений 'этот' и 'тот' (*kət'a*, *at'a*), падежная форма локатива и старое аккумулятивное окончание существительных мужского рода *-nə*. Эти черты вплоть до настоящего времени обнаруживаются в наиболее консервативных говорах тоскской диалектной области и островных тоскских говорах албанского языка. К инновациям в именной системе говора албанцев Украины относятся: возникновение новых (под)типов склонения заимствованных существительных на *-o* и *-e*; славянская посессивная конструкция с дативной местоименной клитикой, заимствованной из болгарского; устранение вариативности способов образования плюральных основ (утрата продуктивности большинства собственно албанских суффиксов мн. ч.); процессы аналогического выравнивания в классах прилагательных и местоимений.

Богатая общеалбанская система глагольных форм в говоре албанцев Украины подверглась редукции: утрачены формы оптатива и аналитические претериты всех наклонений. С точки зрения способов выражения основных временных значений глагольную систему отличает, с одной стороны, сохранение ряда архаичных окончаний

презенса и простых претеритов, а с другой — высокая степень аналогического выравнивания в парадигмах единственного числа презенса, аориста и имперфекта. В плане адаптации заимствованных глаголов отмечен переход от синтетических средств к аналитическим (конструкция со спрягаемым глаголом 'делать' и русским инфинитивом, которая используется для оформления глаголов, заимствованных из русского языка).

Основная синтаксическая инновация говора албанцев Украины — изменение порядка слов в именных группах с адъективным определением и определением, выраженным существительным в косвенном падеже, — имеет контактную природу. Наличие аналогичных изменений в говоре с. Мандрицы позволяет выдвинуть предположение о болгарском влиянии (в случае говора албанцев Украины дополнительным фактором могло явиться гагаузское влияние); при этом предпосылкой для распространения модели с препозицией адъективного определения стало наличие аналогичных конструкций на периферии собственно албанской языковой системы.

Достаточно сложные отношения вариативности существуют между албанскими, болгарскими, гагаузскими и русскими союзами и частицами, употребляемыми в речи на говоре. Изучение их распределения, оценка влияния переключения и смешения кодов на интерференционные процессы в говоре, углубленное исследование полилингвальной ситуации в с. Жовтневом, направленное на определение степени и характера взаимодействия всех языков многоязычного сельского сообщества, в дальнейшем позволят уточнить представления о причинах и хронологии возникновения инноваций в говоре албанцев Украины и в целом — о механизмах развития диалектов в ситуации языкового контакта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

АМАЭ

АМАЭ: Новик 1998 — *Новик А.А.* Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области. Полевые записи. Автограф. 1998 г. // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1726. 202 л.

АМАЭ: Новик 2006 — *Новик А.А.* Изучение традиционной культуры урумов, албанцев. Приазовье. Полевые записи. Автограф. 2006 г. // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1805. 49 л.

АМАЭ: Новик 2011 — *Новик А.А.* Каракурт–2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Буджака. Полевая тетрадь. Ксерокопия. Апрель–май 2011 г. // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2039. 100 л.

АМАЭ: Новик 2013 — *Новик А.А.* Приазовский отряд 2013 г. Изучение традиционной культуры и языка албанцев, болгар и гагаузов Приазовья, Украина. Полевые записи. Автограф. 11–25.07.2013 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2173. 188 л.

АОЕ

АОЕ: Албанцы Украины 1998 — Албанцы Украины. Материалы комплексной экспедиции Ю.В. Ивановой, А.А. Новика и И.В. Уварова в Приазовье и Буджак в июле–августе и ноябре 1998 г. Рукописи, автографы, анкеты, бланки // Архив отдела европеистики МАЭ. Приазовский отряд 1998.

ПМА

Морозова: ПМА 2005: Пиперко — *Морозова М.С.* Полевые материалы автора. 2005. И.Ф. Пиперко. Расшифровка записи интервью (20.07.2005). С. Георгиевка Приазовского района Запорожской области.

Морозова: ПМА 2007: Пиперко — *Морозова М.С.* Полевые материалы автора. 2007. И.Ф. Пиперко. Расшифровка записи интервью (21.07.2007). С. Георгиевка Приазовского района Запорожской области.

Морозова: ПМА 2008: Пиперко — *Морозова М.С.* Полевые материалы автора. 2008. И.Ф. Пиперко. Расшифровка записи интервью (01.08.2008). С. Георгиевка Приазовского района Запорожской области.

Морозова: ПМА 2009: Мельничук — *Морозова М.С.* Полевые материалы автора. 2009. Е.Н. Мельничук. Расшифровка записи интервью (02.08.2009). С. Георгиевка Приазовского района Запорожской области.

Морозова: ПМА 2009: Пиперко — *Морозова М.С.* Полевые материалы автора. 2009. И.Ф. Пиперко. Расшифровки записей интервью (04.08.2009, 08.08.2009). С. Георгиевка Приазовского района Запорожской области.

СПбФ АРАН

СПбФ АРАН: Державин 1948 — *Державин Н.С.* Материалы к работе «Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР». 1948 г. // СПбФ АРАН. Ф. 827. Оп. 1. № 688. 411 л.

Литература

Асенова 1989 — *Асенова П.* Балканско езиковзнание: основни проблеми на балканския езиков съюз. София: Наука и изкуство, 1989. 276 с.

БЕР 1971 — Български етимологичен речник. Т. I: А–З / Ред. Вл.И. Георгиев. София: Изд-во на БАН, 1971. 679 с.

БЕР 1986 — Български етимологичен речник. Т. III: Крѐс¹–Минго¹ / Ред. Вл.И. Георгиев. София: Изд-во на БАН, 1986. 800 с.

БЕР 2010 — Български етимологичен речник. Т. VII: Слово–Терясам / Отг. ред. Т.Ат. Тодоров. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2010. 973 с.

Бернштейн 1953 — *Бернштейн С.Б.* (сост.). Болгарско-русский словарь. Около 45000 слов. М.: ГИИНС, 1953. 886 с.

Бичурина 2006а — *Бичурина Н.М.* Отношение к языку как фактор сохранения титульного языка в качестве средства межличностной коммуникации // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2006» / Отв. ред. О.Г. Филатова. СПб.: Роза мира, 2006. Ч. 1. С. 262–269.

Бичурина 2006б — *Бичурина Н.М.* Этническая самоидентификация и перспективы сохранения титульного языка (на примере албанской речевой общности Приазовья): диплом. раб. СПб., 2006. 100 с.

БТС 2000 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000. 1534 с.

Вахтин, Головкин 2004 — *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

Викторова 2006 — *Викторова К.В.* Языковые изменения в процессе языкового сдвига (на материале малоянисольского диалекта румейского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 24 с.

Воронина, Шарাপова 1997 — *Воронина И.И., Шарাপова Л.В.* Некоторые особенности развития говора албанцев Украины // Материалы XXVI Межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов, 11–14 марта 1997 г. Вып. 3: Балканские чтения / Отв. ред. Ф.А. Елоева, А.Ю. Русаков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 7–9.

Гайдаржи и др. 1973 — Гагаузско-русско-молдавский словарь. 11500 слов / Сост. Г.А. Гайдаржи, Е.К. Колца, Л.А. Покровская, Б.П. Тукан; под ред. Н.А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1973. 664 с.

Геров 1904 — Рѣчникъ на бльгарскый языкъ съ тлькувание рѣчи-ты на бльгарскы и на русскы / Събралъ и изтлькувалъ Найдентъ Геровъ. Чьясть пята: Р-ІА / Издадена подъ редакциѣ-тж на Теодоръ Панчевъ. Пловдивъ: Дружествена печатница «Съгласие», 1904. 638 с.

Грошева, Домосилецкая 2012 — *Грошева А.В., Домосилецкая М.В.* Отражение индоевропейского dhē-(i)- в латинском и албанском // *Албанская филология. Балканистика. Проблемы языкознания. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. 27–30 сентября 2012 г. / Отв. ред. А.Ю. Русаков. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 23–33.*

Демко 1970а — *Демко Л.Я.* О категориях существительного албанского говора с. Каракурт // *Вопросы общего и романо-германского языкознания / Под ред. А.И. Киселевского и др. Минск: Изд-во БГУ, 1970. С. 40–62.*

Демко 1970б — *Демко Л.Я.* Система склонения албанского говора с. Каракурт // *Вопросы общего и романо-германского языкознания / Под ред. А.И. Киселевского и др. Минск: Изд-во БГУ, 1970. С. 63–80.*

Демко 1971 — *Демко Л.Я.* О некоторых особенностях глагольной системы албанского говора с. Каракурт // *Вопросы филологии / Под ред. А.И. Киселевского и др. Минск: Вышэйшая школа, 1971. Вып. 1. С. 60–66.*

Демко 1972 — *Демко Л.Я.* Албанский говор с. Каракурт (фонетика, морфология имени и глагола): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 207 с.

Демко 1974 — *Демко Л.Я.* Албанский говор с. Каракурт (фонетика, морфология имени и глагола): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 23 с.

Демко 1975 — *Демко Л.Я.* Некоторые особенности эволюции албанского говора в иноязычном окружении // *Общее и романо-германское языкознание: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.И. Киселевский. Минск: МГПИИЯ, 1975. С. 62–67.*

Десницкая 1968 — *Десницкая А.В.* Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968. 380 с.

Десницкая 1976 — *Десницкая А.В.* Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (Из истории славяно-албанских языковых контактов) // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография / Редкол.: В.В. Иванов, В.Д. Корольюк (отв. ред.), Г.Г. Литаврин, Е.П. Наумов, Н.И. Толстой. М.: Наука, 1976. С. 186–197.*

Десницкая 1984 — *Десницкая А.В.* Диалектология — основа исторического изучения албанского языка // *Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков / Отв. ред. В.П. Нерознак. Л.: Наука, 1984. С. 260–276.*

Десницкая 1987 — *Десницкая А.В.* Славянские элементы в албанской лексике // *Десницкая А.В. Албанская литература и албанский язык / Отв. ред. В.П. Нерознак. Л.: Наука, 1987. С. 252–269.*

Дугушина 2016 — *Дугушина А.С.* Родинная обрядность албанцев Буджака и Приазовья (XX — начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 265 с.

Ермолин 2011 — *Ермолин Д.С.* Погребально-поминальная обрядность албанцев Буджака и Приазовья (вторая половина XIX — начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 287 с.

Жугра, Шарاپова 1998 — *Жугра А.В., Шарাপова Л.В.* Говор албанцев Украины // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов / Отв. ред. Ю.К. Кузьменко. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С. 117–151.

Каминская 2012 — *Каминская Л.Н.* К вопросу о фонологической системе албанского говора села Георгиевка (Приазовье) // Современная албанистика: достижения и перспективы: сб. ст. / Ред.: М.В. Домосилецкая, А.В. Жугра, М.С. Морозова, А.Ю. Русаков. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 161–170.

Котова 1956 — *Котова Н.В.* Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины) // Ученые записки Института славяноведения / Под ред. С.Б. Бернштейна. М.: Изд. АН СССР, 1956. Т. XIII. С. 254–287.

Маслов 2005 — *Маслов Ю.С.* Болгарский язык // Языки мира: Славянские языки / Редкол.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 69–102.

Морозова 2012 — *Морозова М.С.* Глагольная система говора албанцев Украины // Современная албанистика: достижения и перспективы: сб. ст. / Ред. М.В. Домосилецкая, А.В. Жугра, М.С. Морозова, А.Ю. Русаков. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 252–274.

Морозова 2013а — *Морозова М.С.* Говор албанцев Украины: эволюция диалектной системы в условиях языкового контакта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 26 с.

Морозова 2013б — *Морозова М.С.* Говор албанцев Украины: эволюция диалектной системы в условиях языкового контакта: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 183 с.

Морозова 2013в — *Морозова М.С.* Тенденции развития дифтонгов *иа / ие, уе, ie* в албанских говорах: от центра к периферии // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII (чтения памяти И.М. Тронского): материалы междунар. конф. 24–26 июня 2013 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 584–595.

Новик 2011 — *Новик А.А.* Самосознание албанцев Украины: исторический, лингвистический и экстралингвистический контексты // ЭО. 2011. № 5. С. 75–90.

Перехвальская 2002 — *Перехвальская Е.В.* Приазовские греки (очерк социолнгвистической ситуации) // Материалы конференции, посвящен-

ной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Десницкой / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2002. С. 178–184.

Покровская 1997 — *Покровская Л.А.* Гагаузский язык // Языки мира: Тюркские языки / Э.Р. Тенишев (отв. ред.), Е.А. Поцелуевский, И.В. Кормушин, А.А. Кибрик. Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1997. С. 224–234.

Руднева 2012 — *Руднева Е.А.* Система терминов родства в албанском говоре села Георгиевка // Современная албанистика: достижения и перспективы: сб. ст. / Ред.: М.В. Домосилецкая, А.В. Жугра, М.С. Морозова, А.Ю. Русаков. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 352–362.

Русаков 2013 — *Русаков А.Ю.* Некоторые изоглоссы на албанской диалектной карте (к вопросу о возникновении и распространении балканизмов албанского языка) // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов) / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. СПб.: Алетейя, 2013. С. 113–174.

Синтаксическая программа 1997 — *Соболев А.Н., Воронина И.И., Лопашов Ю.А., Русаков А.Ю.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. 138 с.

СРНГ 1972 — *Словарь русских народных говоров. Выпуск седьмой. Гона – Деть / Ф.П. Филин (гл. ред.), Ф.П. Сорокалетов (ред.), Н.И. Андреева-Васина, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов (сост.).* Л.: Наука, 1972. 356 с.

Стойков 1993 — *Стойков Ст.* Българска диалектология / Под ред. на М. Младенов. Трето издание. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1993. 426 с.

СУМ 1971 — *Словник української мови. В 11 томах / Редкол.: І. К. Білодід (голова) та ін.* Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. Г–Ж. 550 с.

СУМ 1980 — *Словник української мови. В 11 томах / Редкол.: І. К. Білодід (голова) та ін.* Київ: Наукова думка, 1980. Т. 11. Х–Я. 699 с.

Сытов 1975 — *Сытов А.П.* Глагольные инновации и архаизмы в говоре албаноязычных поселений Украины // Лингвистические исследования. Вопросы строя индоевропейских языков / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Наука, 1975. Ч. 1. С. 136–150.

Холиолчев и др. 2012 — *Холиолчев Х., Младенов М., Радева Л.* Българска семейно-родова лексика. София: Изток-Запад, 2012. 776 с.

Шабашов 2002 — *Шабашов А.В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002. 744 с.

Шарапова 1990 — *Шарапова Л.В.* Албаноязычные поселения Болгарии и Украины // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1: Новогреческий, албанский, романские языки / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1990. С. 114–125.

Широков 1962 — Широков О.С. Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 26–36.

Юллы, Соболев 2002 — Юллы Дж., Соболев А.Н. Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg: Biblion Verlag, 2002. 515 с.

Юсипова 2005 — Юсипова Р.Р. Турецко-русский словарь. 80000 слов и словосочетаний / Под ред. Т.Е. Рыбальченко. М.: Русский язык — Медиа, 2005. 694 с.

ADGjSh 2007 — Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe / J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Napoli: Università degli Studi di Napoli L'Orientale; Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2007. Vëll. I. 464 f.

ADGjSh 2008 — Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe / J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Napoli: Università degli Studi di Napoli L'Orientale; Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2008. Vëll. II. 602 f.

Boretzky 1975 — Boretzky N. Der türkische Einfluss auf das Albanische. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. Teil 1: Phonologie und Morphologie der albanischen Turzismen. (Albanische Forschungen. Bd. 11). 280 S.

Buchholz, Fiedler 1987 — Buchholz O., Fiedler W. Albanische Grammatik. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987. 582 S.

Çabej 1987 — Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu 3: C–D / përgat. për shtyp nga S. Mansaku dhe A. Omari. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1987. 565 f.

Çabej 2014 — Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu 5: K–M / përg. për botim B. Çabej, A. Omari, S. Mansaku. Tiranë: Botime Çabej, 2014. 479 f.

Demiraj 1988 — Demiraj Sh. Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Prishtinë: Rilindja, 1988. 1167 f.

Demiraj B. 2014 — Demiraj B. Shqiptarë dhe shqa. Histori popujsh përmes dy emrave etnike. Tiranë: Naimi, 2014. 250 f.

Dicționar 2004 — Dicționar rus-român, român-rus. 70000 cuvînte-titlu. Chișinău: Firma Editorial-Poligrafică “Tipogr. Centrală”, 2004. 760 p.

Dizdari 2005 — Dizdari T.N. Fjalor i orientalizmeve në gjuhën shqipe. Rreth 45.000 fjalë me prejardhje nga gjuhët turke, arabe dhe perse. Tiranë: Instituti Shqiptar i Mendimit dhe i Qytetërimit Islam, 2005. 1202 f.

Domi, Shuteriqi 1965 — Domi M., Shuteriqi Dh. Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandricës // SF. 1965. № 2. F. 103–119.

FShS 2002 — Fjalor i shqipes së sotme. Botim i dytë i ripunuar (me rreth 35000 fjalë) / Ripunuar e plotësuar nga J. Thomai, M. Samara, J. Kole, P. Haxhillazi, Th. Feka, K. Sima. Tiranë: Toena, 2002. 1581 f.

Floqi 1958 — *Floqi S.* Skicë e së folmes së Dangëllisë // BUShT. SShSh. 1958. № 3. F. 89–169.

Gjinari 1957 — *Gjinari J.* E folmja e qytetit të Beratit // BShSh. 1957. № 1. F. 109–141.

Gjinari 1958a — *Gjinari J.* E folmja e Skraparit // BUShT. SShSh. 1958. № 1. F. 86–107.

Gjinari 1958b — *Gjinari J.* Të folmet e Myzeqesë // BUShT. SShSh. 1958. № 4. F. 73–119.

Gjinari 1960 — *Gjinari J.* Mbi të folmen e Devollit // BUShT. SShSh. 1960. № 4. F. 103–137.

Gjinari 1965 — *Gjinari J.* Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmeve të saj // Konferenca e parë e studimeve albanologjike, 15–21 nëntor 1962 / Red. A. Kostallari. Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1965. F. 241–254.

Gramatika 2002 — *Agalliu F., Angoni E., Demiraj Sh., Dhrimo A., Hysa E., Lafe E., Likaj E.* Gramatika e gjuhës shqipe / Red. Sh. Demiraj. Tiranë: Botimi i Akademisë së Shkencave, 2002. Vëll. I: Morfologjia. 452 f.

Haxhihasani 1971 — *Haxhihasani Q.* Vështrim i përgjithshëm mbi të folmen e banorëve të Çamërisë // Dialektologjia shqiptare. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1971. Vëll. I. F. 118–193.

Haebler 1959 — *Haebler Cl.* Zu den Pronomina im ukraino-albanischen Dialekt // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1959. Heft 15. S. 85–100.

Haebler 1965 — *Haebler Cl.* Grammatik der albanischen Mundart von Salamis. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. (Albanische Forschungen. Bd. 3). 178 S.

Islami 1955 — *Islami S.* Material gjuhësor nga kolonitë shqiptare të Ukrainës // Buletin për Shkencat Shoqërore. 1955. № 2. F. 163–180.

Kaminskaja, Novik 2008 — *Kaminskaja L., Novik A.* E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Të dhënat e ekspeditës 2008 // Seminari II Ndërkombëtar i Albanologjisë: Tetovë, Ohër, 22–28 shtator 2008 / Kryered. Q. Murati. Tetovë: Universiteti Shtetëror i Tetovës, 2008. F. 358–364.

Mançe 2007 — *Mançe M.* Fjalor shqip-rusisht. Rreth 25000 fjalë / Red. E. Ymeri. Tiranë: EDFA, 2007. 732 f.

Milkani 1971 — *Milkani V.* Vëzhgime mbi të folmen e Bulgarecit (Fushë e Korçës) // SF. 1971. № 4. F. 163–191.

Morozova, Rusakov 2015 — *Morozova M., Rusakov A.* Albanian National Corpus: Composition, Text Processing and Corpus-Oriented Grammar Development // Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien) / Hrsg. B. Demiraj. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015. (Albanische Forschungen. Bd. 37). S. 270–308.

Muça 1987 — *Muça F.* E folmja e krahinës së Konispolit // Dialektologjia shqiptare / Red. M. Domi etj. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1987. Vëll. V. F. 281–362.

Newmark 2000 — *Newmark L.* (ed.). Albanian-English Dictionary. Tiranë: Albin, 2000. 982 p.

Newmark et al. 1982 — *Newmark L., Hubbard Ph., Prifti P.* Albanian: A Reference Grammar for Students. Stanford, California: Stanford University Press, 1982. 347 p.

Orel 1998 — *Orel V.E.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden, Boston, Köln: Brill, 1998. 705 p.

Petriti 1987 — *Petriti Ç.* Vëzhgime mbi të folmen e Strelcës (krahina e Gorës, rrethi i Korçës) // Dialektologjia shqiptare / Red. M. Domi etj. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1987. Vëll. V. F. 206–280.

Sasse 1991 — *Sasse H.-J.* Arvanitika: Die albanischen Sprachreste in Griechenland. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. Teil 1. 547 S.

Shuteriqi 1965a — *Shuteriqi Dh.* Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studim dhe tekste // SF. 1965. № 1. F. 103–141.

Shuteriqi 1965b — *Shuteriqi Dh.* Fjalorth i të folmes shqipe të fshatit Mandricë // SF. 1965. № 2. F. 154–170.

Sokolova 1983 — *Sokolova B.* Die albanische Mundart von Mandritsa. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. (Balkanologische Veröffentlichungen / Hrsg. von N. Reiter. Bd. 6). 232 S.

Totoni 1964 — *Totoni M.* E folmja e Bregdetit të Poshtëm // SF. 1964. № 1. F. 128–158.

Totoni 1966 — *Totoni M.* Vëzhgime rreth së folmes së qytetit të Gjirokastrës // SF. 1966. № 1. F. 77–119.

Voronina et al. 1996 — *Voronina I., Domosileckaja M., Sharapova L.* E folmja e shqiptarëve të Ukrainës / Përkthyes M. Vejjaj. Shkup: Shkupi, 1996. 208 f.

Xhaçka 1958 — *Xhaçka V.* Një shikim mbi të folmen e krahinës së Devollit // BUSHT. SShSh. 1958. № 2. F. 196–209.

Ylli 1997 — *Ylli Xh.* Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil. Lehnwörter. München: Verlag Otto Sagner, 1997. (Slavistische Beiträge / Hrsg. von P. Rehder. Bd. 350). 344 S.

Интернет-источники

Всеукраїнський 2001 — Всеукраїнський перепис населення '2001 [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua> (дата обращения: 25.05.2016).

1. Типы склонения существительных в говоре албанцев Украины

Тип 1а. Существительные мужского рода на заднеязычный согласный и ударный гласный (*pʎak* ‘старик’ — *pʎekʃ* / *pʎeʃ* ‘старики’, *narʃi* / *narʃi* ‘муж’ — *narʃiʔirə* / *narʃiʔirə* ‘мужья’)

	SG	PL
NOM	<i>pʎak-u, narʃiʔiʷ-u</i>	NOM/ACC <i>pʎeʃ-tə, narʃiʔirə-t</i>
ACC	<i>pʎak-nə</i> / <i>pʎak-un, narʃiʔi-nə</i> / <i>narʃiʔiʷ-un</i>	OBL <i>pʎeʃə-vet, narʃiʔi(rə)-vet</i>
OBL	<i>pʎak-ut, narʃiʔiʷ-ut</i>	
LOC	<i>(ma) pʎak-tə, narʃiʔi-tə</i>	

Тип 1б. Существительные мужского рода на согласные, кроме заднеязычных (*dʔalʔ* ‘мальчик; сын; ребенок’ — *dʔim* / *dʔim* ‘мальчики; сыновья; дети’)

	SG	PL
NOM	<i>dʔalʔ-i</i>	NOM/ACC <i>dʔim-tə</i>
ACC	<i>dʔalʔ-nə</i> / <i>dʔalʔ-in</i>	OBL <i>dʔim(ə)-vet</i>
OBL	<i>dʔalʔ-it</i>	
LOC	<i>(ma) dʔalʔ-tə</i>	

Тип 2а. Существительные женского рода на редуцированный -ə (*mʔolə* ‘яблоко’ — *mʔola* ‘яблоки’, *ʃidʔanə* ‘дерево’ — *ʃidʔana* ‘деревья’)

	SG	PL
NOM	<i>mʔol-a, ʃidʔan-a</i>	NOM/ACC <i>mʔol-a-t, ʃidʔana-t</i>
ACC	<i>mʔolə-n, ʃidʔanə-n</i>	OBL <i>mʔolə-vet, ʃidʔana-vet</i>
OBL	<i>mʔolə-s, ʃidʔanə-s</i>	
LOC	<i>(ma, ni) mʔolə-t, ʃidʔanə-t</i>	

Тип 2б. Существительные женского и общего рода на ударный гласный и плавный согласный (*mʔotə* ‘сестра’ — *mʔotra* ‘сестры’, *ʃukarʔa* ‘бедняк, беднячка’ — *ʃukarʔara* ‘бедняки, беднячки’, *ʃtəpʔi* / *ʃtəpʔi* ‘дом’ — *ʃtəpʔira* / *ʃtəpʔira* ‘дома’)

	SG	PL
NOM	<i>mʔotr-a, ʃukarʔa-ja, ʃtəpʔi-ja</i>	NOM/ACC <i>mʔotra-t, ʃukarʔara-t,</i> <i>ʃtəpʔira-t</i>

	SG	PL
ACC	<i>m'otār-nə, fukar'a-nə, ftəp'i-nə</i>	OBL <i>m'otra-vet, fukar'a(ra)-vet, ftəp'ira-vet</i>
OBL	<i>m'otār-sə, fukar'a-sə, ftəp'i-sə</i>	
LOC	<i>(ma) m'otār-tə, fukar'a-tə, (n'i) ftəp'i-tə</i>	

Тун 3а. Существительные мужского рода на безударный -о (*d'edo* ‘дед’ — *d'edoro* ‘деды’)

	SG	PL
NOM	<i>d'ed-u</i>	NOM/ACC <i>d'edoro-t</i>
ACC	<i>d'edo-n</i>	OBL <i>d'edor(ə)-vet</i>
OBL	<i>d'edo-s</i>	
LOC	<i>(ma) d'edo-t</i>	

Тун 3б. Существительные женского рода на безударный -о (*b'abo* ‘бабка по матери’ — *b'aboro* ‘бабки по матери’, *m'amo* ‘мать’ — *m'amoro* ‘матери’)

	SG	PL
NOM	<i>b'ab-u (-a), m'am-u (-a)</i>	NOM/ACC <i>b'aboro-t, m'amoro-t</i>
ACC	<i>b'abo-n, m'amo-n</i>	OBL <i>b'abor(ə)-vet, m'amor(ə)-vet</i>
OBL	<i>b'abo-s, m'amo-s</i>	
LOC	<i>(ma) b'abo-t, m'amo-t</i>	

Тун 4а. Существительные мужского рода на безударный -е (*t'ate* ‘отец’ — *t'atere* ‘отцы’)

	SG	PL
NOM	<i>t'at-i / t'at'i</i>	NOM/ACC <i>t'atere-t</i>
ACC	<i>t'ate-n</i>	OBL <i>t'ate(rə)-vet</i>
OBL	<i>t'ate-s</i>	
LOC	<i>(ma) t'at-tə</i>	

Тун 4б. Существительные женского рода на безударный -е (*m'al'e* ‘бабка по отцу’ — *m'al'ere* / *m'al'era* ‘бабки по отцу’, *n'use* ‘невеста’ — *n'usere* / *n'usera* ‘невесты’)

	SG	PL
NOM	<i>m'al'-i, m'al'-a; n'us-i, n'us-a</i>	NOM/ACC <i>m'al'ere-t, n'usere-t</i>
ACC	<i>m'al'e-n, n'use-n</i>	OBL <i>m'al'e(rə)-vet, n'use(rə)-vet</i>
OBL	<i>m'al'e-s, n'use-s</i>	
LOC	<i>(ma) m'al'e-t, n'use-t</i>	

Тип 5. Существительные среднего рода ('uj(ə) 'вода' — 'uj(ə)ra 'воды')

	SG	PL
NOM	'uj-tə / 'uj-i	NOM/ACC 'uj(ə)ra-t
ACC	'uj-tə / 'uj-in	OBL 'uj(ə)ra-vet
OBL	'uj-it	
LOC	(ma, n'i) 'uj-tə	

2. Типы спряжения глаголов в говоре албанцев Украины

Тип 1. Глаголы на согласный

а) с совпадением основ презенса и аориста: *xap / γap* 'открывать' (PTCP *x'ap-tə / γ'ap-tə*; ADM.PRS *x'ap-kam / γ'ap-kam*; IMP 2SG *xap / γap*, 2PL *x'ap-n'i / γ'ap-n'i*)

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>xap / γap</i>	<i>x'ap-a / γ'ap-a (-ə)</i>	<i>x'ap-na / γ'ap-na (-nə)</i>	<i>tə xap / tə γap</i>
2SG	<i>xap / γap</i>	<i>x'ap-ə / γ'ap-ə (-a)</i>	<i>x'ap-nə / γ'ap-nə (-na)</i>	<i>tə x'ap-əf / tə γ'ap-əf</i>
3SG	<i>xap / γap</i>	<i>x'ap'i / γ'ap'i</i>	<i>x'ap-n'i / γ'ap-nə</i>	<i>tə x'ap-ə / tə γ'ap-ə</i>
1PL	<i>x'ap-əm / γ'ap-əm</i>	<i>x'ap-mə / γ'ap-mə</i>	<i>x'ap'im / γ'ap'im</i>	<i>tə x'ap-əm / tə γ'ap-əm</i>
2PL	<i>x'ap-n'i / γ'ap-n'i</i>	<i>x'ap-tə / γ'ap-tə</i>	<i>x'ap-it / γ'ap-it</i>	<i>tə x'ap-n'i / tə γ'ap-n'i</i>
3PL	<i>x'ap-ən / γ'ap-ən</i>	<i>x'ap-nə / γ'ap-nə</i>	<i>x'ap-in / γ'ap-in</i>	<i>tə x'ap-ən / tə γ'ap-ən</i>

б) с чередованием в основе презенса и супплетивными основами презенса и аориста: *fox* 'видеть' (PTCP *pa-r*; ADM.PRS *p'a-kam*; IMP 2SG *fex*, 2PL *f'ex-n'i / f'eγ-n'i, f'ix-n'i / f'iy-n'i*)

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>fox</i>	<i>p'af-i (-ə)</i>	<i>f'ix-na / f'iy-na (-nə)</i>	<i>tə fox</i>
2SG	<i>fex</i>	<i>p'af-i (-ə)</i>	<i>f'ix-nə / f'iy-nə (-na)</i>	<i>tə f'ox-əf / tə f'oγ-əf</i>
3SG	<i>fex</i>	<i>pa</i>	<i>f'ix-n'i / f'iy-nə</i>	<i>tə f'ox-ə / tə f'oγ-ə</i>
1PL	<i>f'ox-əm / f'oγ-əm</i>	<i>p'a-mə</i>	<i>f'ix-n'im / f'iy-im</i>	<i>tə f'ox-əm / tə f'oγ-əm</i>
2PL	<i>f'ix-n'i / f'iy-n'i</i>	<i>p'a-tə</i>	<i>f'ix-n'it / f'iy-it</i>	<i>tə f'ox-n'i / tə f'oγ-n'i</i>

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
3PL	<i>f'ox-ən / f'oγ-ən</i>	<i>p'a-nə</i>	<i>f'ix-n'in / f'iγ-in</i>	<i>tə f'ox-ən / tə f'oγ-ən</i>

Тип 2. Глаголы на гласный, присоединяющие личные окончания в ед. ч. презенса («глаголы на **-niŋo*»)

fəpt'on 'понимать' (PTCP *fəpt'ojt-ur*; ADM.PRS *fəpt'ojt'-kam*; IMP 2SG *fəpt'o-j*, 2PL *fəpt'o-n'i*)

bən / bun 'делать' (PTCP *b'ə-r-ə / b'u-r-ə*; ADM.PRS *b'ə-kam / b'u-kam*; IMP 2SG *bər / bur*, 2PL *b'ə-n'i / b'u-n'i*)

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>fəpt'o-n</i>	<i>fəpt'o-jt-a / fəpt'o-jt-ə</i>	<i>fəpt'o-na (-nə)</i>	<i>tə fəpt'o-n</i>
2SG	<i>fəpt'o-n</i>	<i>fəpt'o-jt'-i / fəpt'o-jt-ə</i>	<i>fəpt'o-nə (-nə)</i>	<i>tə fəpt'on-əf</i>
3SG	<i>fəpt'o-n</i>	<i>fəpt'o-jt'-i / fəpt'o-jt-ə</i>	<i>fəpt'o-n'i / fəpt'o-nə</i>	<i>tə fəpt'on-ə</i>
1PL	<i>fəpt'on-əm</i>	<i>fəpt'o-jt'-im / fəpt'o-jt-əm</i>	<i>fəpt'o-n'im / fəpt'o(j)-im</i>	<i>tə fəpt'on-əm</i>
2PL	<i>fəpt'o-n'i</i>	<i>fəpt'o-jt'-it / fəpt'o-jt-ət</i>	<i>fəpt'o-n'it / fəpt'o(j)-it</i>	<i>tə fəpt'o-n'i</i>
3PL	<i>fəpt'on-nə</i>	<i>fəpt'o-jt'-in / fəpt'o-jt-ən</i>	<i>fəpt'o-n'in / fəpt'o(j)-in</i>	<i>tə fəpt'on-nə</i>

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>bə-n / bu-n</i>	<i>b'ə-r-a / b'u-r-a (-ə)</i>	<i>b'ə-na / b'u(j)-na (-nə)</i>	<i>tə bə-n / tə bu-n</i>
2SG	<i>bə-n / bu-n</i>	<i>b'ə-r-ə / b'u-r-ə (-a)</i>	<i>b'ə-nə / b'u(j)-nə (-nə)</i>	<i>tə b'ən-əf / tə b'un-əf</i>
3SG	<i>bə-n / bu-n</i>	<i>b'ə-r-ə / b'u-r-ə</i>	<i>b'ə-n'i / b'u(j)-nə</i>	<i>tə b'ən-ə / tə b'un-ə</i>
1PL	<i>b'ən-əm / b'un-əm</i>	<i>b'ə-mə / b'u-mə</i>	<i>b'ə-n'im / b'u(j)-im</i>	<i>tə b'ən-əm / tə b'un-əm</i>
2PL	<i>b'ə-n'i / b'u-n'i</i>	<i>b'ə-tə / b'u-tə</i>	<i>b'ə-n'it / b'u(j)-nit</i>	<i>tə b'ən'i / tə b'u-n'i</i>
3PL	<i>b'ən-nə / b'un-nə</i>	<i>b'ə-nə / b'u-nə</i>	<i>b'ə-n'in / b'u(j)-in</i>	<i>tə b'ən-nə / tə b'un-nə</i>

Тип 3. Глаголы на гласный

а) без чередований в основе: *ʋa* ‘мыть’ (PTCP *ʋ'a-rə*; ADM.PRS *ʋa-kam*; IMP 2SG *ʋa-j*, 2PL *ʋa-n'i*)

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>ʋa</i>	<i>ʋ'av-o (-a)</i>	<i>ʋ'aj-na (-nə)</i>	<i>tə ʋa</i>
2SG	<i>ʋa</i>	<i>ʋ'av-o</i>	<i>ʋ'aj-nə (-na)</i>	<i>tə ʋ'an-əf</i>
3SG	<i>ʋa</i>	<i>ʋ'a^(w)-u / ʋ'ay-u (-o)</i>	<i>ʋ'aj-n'i / ʋ'aj-nə</i>	<i>tə ʋ'a-i</i>
1PL	<i>ʋ'a-mə</i>	<i>ʋ'a-mə</i>	<i>ʋ'a(j)-im</i>	<i>tə ʋ'a-mə</i>
2PL	<i>ʋ'a(j)-n'i</i>	<i>ʋ'a-tə</i>	<i>ʋ'a(j)-it</i>	<i>tə ʋ'a(j)-n'i</i>
3PL	<i>ʋ'a-nə</i>	<i>ʋ'a-nə</i>	<i>ʋ'a(j)-in</i>	<i>tə ʋ'a-nə</i>

б) с чередованиями в основе: *fʋe* ‘спать’ (PTCP *fʋ'it-ur*; ADM.PRS *fʋ'it-kam*; IMP 2SG *fʋ'ir*, 2PL *fʋ'ir-n'i*)

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>fʋe</i>	<i>fʋ'it-a (-ə)</i>	<i>fʋ'ir-na (-nə)</i>	<i>tə fʋe</i>
2SG	<i>fʋe</i>	<i>fʋ'it-ə (-a)</i>	<i>fʋ'ir-nə (-na)</i>	<i>tə fʋ'e-f</i>
3SG	<i>fʋe</i>	<i>fʋ'it</i>	<i>fʋ'ir-n'i / fʋ'ir-nə</i>	<i>tə fʋ'er-ə</i>
1PL	<i>fʋ'en-əm</i>	<i>fʋ'it-mə</i>	<i>fʋ'irⁱ-im</i>	<i>tə fʋ'e-mə</i>
2PL	<i>fʋ'i(r)-n'i</i>	<i>fʋ'it-(t)ə</i>	<i>fʋ'irⁱ-it</i>	<i>tə fʋ'i(r)-n'i</i>
3PL	<i>fʋ'e-nə</i>	<i>fʋ'it-nə</i>	<i>fʋ'irⁱ-in</i>	<i>tə fʋ'e-nə</i>

в) с супплетивными основами: *xə / γə* ‘есть’ (PTCP *ngr'ə-nə*; ADM.PRS *x'əngər-kam / γ'ingər-kam*; IMP 2SG *xə-j / γə-j*, 2PL *xə-j-n'i / γə-j-n'i*)

	PRS	AOR	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>xə / γə</i>	<i>x'əngr-a / γ'ingr-a (-ə)</i>	<i>x'aj-na / γ'aj-na (-nə)</i>	<i>tə xə / tə γə</i>
2SG	<i>xə / γə</i>	<i>x'əngr-ə / γ'ingr-ə (-a)</i>	<i>x'aj-nə / γ'aj-nə (-na)</i>	<i>tə xə-f / tə γə-f</i>
3SG	<i>xə / γə</i>	<i>x'əngr-ə / γ'ingr-ə, x'əngər / γ'ingər</i>	<i>x'aj-n'i / γ'aj-nə</i>	<i>tə x'a-i / tə γ'a-i</i>
1PL	<i>x'a-mə / γ'a-mə</i>	<i>x'əngər-mə / γ'ingər-mə</i>	<i>x'aj-im / γ'aj-im</i>	<i>tə x'a-mə / tə γ'a-mə</i>
2PL	<i>x'a-j-n'i / γə-j-n'i</i>	<i>x'əngər-tə / γ'ingər-tə</i>	<i>x'aj-it / γ'aj-it</i>	<i>tə x'a-j-n'i / tə γə-j-n'i</i>
3PL	<i>x'a-nə / γ'a-nə</i>	<i>x'əngər-nə / γ'ingər-nə</i>	<i>x'aj-in / γ'aj-in</i>	<i>tə x'a-nə / tə γ'a-nə</i>

Глаголы *jam* ‘быть’ (ADM.PRS *kl'in-kam*; OPT.PRS.3SG *kl'in-fə*; РТСР, IMP, AOR не зафиксированы) и *kam* ‘иметь’ (РТСР *p'as-ur*; ADM.PRS *p'as-kam*; IMP и AOR не зафиксированы).

	PRS	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>jam</i>	<i>j'if-na (-nə)</i>	<i>tə jem, tə jam</i>
2SG	<i>je</i>	<i>j'if-nə (-na)</i>	<i>tə je-f</i>
3SG	<i>'əftə, ft̩</i>	<i>j'if, j'if-n'ij</i>	<i>tə j'e-t(ə)</i>
1PL	<i>j'i-m'i</i>	<i>j'if-im</i>	<i>tə j'i-m'i</i>
2PL	<i>j'i-n'i</i>	<i>j'if-it</i>	<i>tə j'i-n'i</i>
3PL	<i>j'a-n(ə)</i>	<i>j'if-in</i>	<i>tə j'e-n(ə), tə j'a-n(ə)</i>

	PRS	IPF	PRS.SBJV
1SG	<i>kam</i>	<i>k'if-na / t'if-na (-nə)</i>	<i>tə k'em, tə kam</i>
2SG	<i>k'e / t'e</i>	<i>k'if-nə / t'if-nə (-na)</i>	<i>tə k'e-f / tə t'e-f</i>
3SG	<i>ka</i>	<i>k'if / t'if, k'if-n'ij</i>	<i>tə k'e-t(ə)</i>
1PL	<i>k'i-m'i / t'i-m'i, k'e-m'i</i>	<i>k'if-im / t'if-im</i>	<i>tə k'i-m'i / tə t'i-m'i</i>
2PL	<i>k'i-n'i / t'i-n'i</i>	<i>k'if-it / t'if-it</i>	<i>tə k'i-n'i / tə t'i-n'i</i>
3PL	<i>ka-n(ə)</i>	<i>k'if-in / t'if-in</i>	<i>tə k'e-n(ə) / tə t'e-n(ə), tə k'a-n(ə)</i>